

The book cover features a central illustration of three characters in a futuristic, golden-hued environment. In the center is a man in a grey tactical suit with a scarf, holding a futuristic rifle. To his left is a woman in a green, form-fitting outfit with a high collar. To his right is a woman with a large, white, mushroom-shaped wig and a red top. The background shows architectural details like arches and a large dome. The overall color palette is dominated by gold, brown, and grey tones.

**СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО**

ГЕНОМ

З В Е З Д А Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Геном

Сергей Лукьяненко

Геном

«Издательство АСТ»

1999

Лукьяненко С.

Геном / С. Лукьяненко — «Издательство АСТ», 1999 — (Геном)

ISBN 5-17-004496-8

Странный мир будущего – мир, где люди еще от рождения программируются под профессионалов-«спецов». Странный контракт молодого спеца-капитана – слишком привлекательный, чтобы не таить в себе каких-то скрытых «но». Странный экипаж летящего к звездам корабля – экипаж, который выглядит набранным случайно, но в случайности этой, похоже, есть некая загадочная система. Все ждут. Что-то должно случиться... И случается. Что-то страшное. И совсем не то, чего ждали...

ISBN 5-17-004496-8

© Лукьяненко С., 1999

© Издательство АСТ, 1999

Содержание

От автора	5
Оперон первый, рецессивный	7
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	36
Глава 4	52
Конец ознакомительного фрагмента.	59

От автора

Самая первая и самая трудная задача писателя-фантаста, решившего описать мир будущего, – придумать этот самый мир. Конечно, существуют испытанные и проверенные декорации, которые переходят от романа к роману – как в западном кинематографе декорации какого-нибудь «Чужого» еще двадцать раз используются в фантастических фильмах категории «Б». Декорации эти – Звездолеты, Планеты, Бластеры, Император Галактики, Прекрасная Принцесса, Отважный Герой и Мировое Зло. Причем на роль Мирового Зла можно привлечь любую другую декорацию – хоть Планету, хоть Звездолет, хоть Императора. Наверное, любой опытный читатель сразу назовет несколько романов, сконструированных по этому принципу. Эти романы не обязательно будут плохи – ведь, кроме декораций, существует еще и игра актеров, и талант режиссера, и увлекательность самой пьесы.

Гораздо труднее придумать декорацию, в мировой фантастике не использовавшуюся. В «Геноме» я пытался сделать именно это – добавить к привычным атрибутам космической оперы и киберпанка неожиданную и все меняющую деталь. В итоге этой деталью стала генетическая модификация людей, разделившая цивилизацию на «спецов» – людей, приспособленных к какой-либо профессии, и «натуралов» – людей, генетически не измененных. Самое печальное состоит в том, что именно по этому пути человечество упрямо движется уже сегодня. Глупые дети президентов становятся президентами, не умеющие играть дети актеров – актерами, не умеющие петь дети певцов – певцами. И если завтра (а это завтра настанет) вам предложат *улучшить* своих детей, *приспособить* их к той или иной профессии – неужели вы откажетесь? Средневековая европейская цеховая традиция, индийские касты – все это вот-вот может вернуться – пусть и в измененной, технологичной форме. То, на чем держится современная европейско-американская цивилизация – свобода выбора, «мой ребенок может стать кем угодно... даже президентом Соединенных Штатов!», исчезнет. Обернется старым русским анекдотом – «дети полковников не становятся генералами, потому что у генералов есть свои дети».

«Геном» – это роман о predeterminedности. Роман о заданной судьбе, роман о людях, пожертвовавших не только свободой выбора, но и свободой чувств – ради профессионального успеха, ради гарантированного «места в жизни». Все это есть и сейчас, я лишь воспользовался тем инструментарием, что доступен писателю-фантасту, и довел ситуацию до крайности.

Пожалуй, это все, что я хотел бы сказать о «Геноме», за исключением маленького предупреждения. «Геном» – это роман-фарс, роман-пародия. Почему именно фарс? «История повторяется дважды – вначале в виде трагедии, потом в виде фарса», сказал когда-то Карл Маркс. Знаете, будущий гуру мирового пролетариата говорил очень много дельного. Ему просто не везло с толкователями и учениками...

«Танцы на снегу» – это, выражаясь языком романистов, «приквел» к «Геному». Тот же мир – но на двести лет раньше. Уже начались генетические модификации людей, но человечество еще мнит себя единым. Свобода уже утрачена, но этого еще никто не замечает. Каждая победа становится пирровой, но звон литавр заглушает голоса сомневающихся. А ведь, казалось бы, ничего особенного не произошло – просто цель стала оправдывать средства. Просто человечество попыталось жить разумно и правильно.

«Геном» – роман «взрослый», порой даже нарочито. «Танцы на снегу» – «роман воспитания», роман о подростке, открывающем для себя мир, ищущем в нем место под солнцем (и выбор солнц у него достаточно велик). Это было задумано сознательно – мы видим юность этого мира, и мы видим его зрелость. Открою маленькую тайну – я планирую написать и третий роман о мире «Генома». Пройдет еще двести лет, и... впрочем, не стану забегать вперед.

И один совет перед тем, как Вы станете читать эту книгу. Если Вы любите читать в хронологическом порядке – начинать надо с «Танцев на снегу». Но я все-таки посоветовал бы вам в первую очередь прочитать «Геном». Именно в таком порядке эти романы были написаны, и мне кажется, что происходящие в книге события станут и понятнее, и интереснее именно при таком порядке чтения.

Впрочем, выбор в любом случае за вами. Моя власть над этими книгами закончилась, когда я написал слово

Конец.

Сергей Лукьяненко

Автор сознает, что многие сочтут роман циничным и аморальным.

Но все же, с трепетным уважением, он посвящает его людям, умеющим Любить, Дружить и Работать.

Оперон первый, рецессивный Спецы

Глава 1

Алекс смотрел в небо.

Небо было странным. Неправильным. Небывалым.

Таким оно бывает над мирами, еще не испорченными цивилизацией. Такое небо – над Землей, родиной человечества, трижды загаженной и трижды вычищенной планетой.

А вот над Ртутным Донцем, промышленным центром сектора, на планете, где размещены три верфи и вся необходимая инфраструктура, такого неба быть не должно.

Алекс смотрел в небо.

Чистая, светящаяся голубизна. Растрепанные нити облаков. Розовый отсвет заходящего солнца. Кувыркающийся в высоте флаер – словно глупый, резвящийся на снегу щенок. Никогда еще, ни глядя в окно палаты, ни проглядывая планетарные новости, Алекс не видел на Ртутном Донце такого неба.

И весь город сегодня был необычный. Закат окрасил стены домов в теплый розовый свет. Последние остатки грязного снега притаились вокруг опор старой монорельсовой дороги, тянувшихся вдоль шоссе. Машины проносились редко-редко, будто боялись порвать тишину, и так быстро, словно старались побыстрее выскользнуть из непривычно розового мира.

А может быть, таким и должен видеть мир человек, вышедший из больничных стен после пятимесячного заточения?

– Никто не встречает?

Алекс обернулся на охранника, скучающего в стеклянной будочке. Охранник был бра- вый. Щеки – кровь с молоком, плечи в метр, на поясе станнер, поверх формы – бронежилет. Как будто кто-то собирается брать больницу штурмом.

– Некому меня встречать, – ответил Алекс.

– Издалека?

– Угу. – Алекс потянулся за сигаретами. Затянулся крепким местным табаком.

– Такси тебе вызвать? Одет ты не по погоде...

Охранник явно хотел помочь.

– Нет, спасибо. Я монором.

– Ходит раз в час, – предупредил охранник. – Это же бесплатный транспорт, для натуралов...

Говоря откровенно, он и сам походил на натурала. Впрочем, всякое бывает. Внешность еще не показатель.

– Я потому монором и еду, что он бесплатный.

Охранник с любопытством осмотрел Алекса. Потом бросил взгляд на здания больничного комплекса за спиной.

– Да нет, я-то – спец, – объяснил Алекс. – Просто денег нет. Служебная страховка. Сам бы я лечения не оплатил. Сюда меня можно было в корзинке доставить. Может, в ней и доставили... не помню.

Он чиркнул себя по поясу, по той невидимой линии, что пять месяцев назад разделила его тело и его жизнь на две части. Жажда общения была слишком велика, хотелось поговорить с кем-то, кто не видел его истории болезни, кто мог оценить, выслушать, поцокать языком...

– Угораздило же тебя, – вздохнул охранник. – Ну... все нормально? Главное восстановили?

Алекс затоптал окурок и кивнул в ответ на заговорщицкую улыбку.

– Восстановили. Ладно, спасибо тебе.

– За что? – удивился охранник.

Но Алекс уже шел к дороге. Шел быстро, не оглядываясь. Его действительно починили прекрасно, лучшего лечения нельзя было и желать... тем более в его положении. Но после того как полчаса назад он, поставив последнюю подпись в документах страховки, подтвердил, что не имеет никаких претензий к медицинскому персоналу и признает свое состояние «идентичным прежнему», с больницей его ничего не связывало. Абсолютно ничего.

С планетой, если говорить честно, тоже. Но покинуть Ртутное Донце будет куда труднее.

Он пропустил несущуюся по автостраде машину, роскошный спортивный «Кайман» ярко-алого цвета. Дошел до опоры монора, поднялся по винтовой лестнице – лифт, конечно же, не работал.

– Снова вольное плавание. Правда, Бес? – сказал он в пространство. И покосился на плечо.

Алекс действительно был одет не по погоде. Даже в эту неожиданную оттепель, обрушившуюся на город накануне Дня Независимости. Джинсы и ботинки, купленные на какие-то гроши, пожертвованные местным благотворительным фондом, еще годились. А вот кожаный жилет, надетый поверх футболки, смотрелся странно.

Зато Бесу было интересно.

Он жил на его левом плече. Маленькая, сантиметров в десять, цветная татуировка. Бесенок с вилами в руках, хмуро и придирчиво всматривающийся куда-то вдаль. Длинный хвост Беса был обмотан вокруг пояса, наверное, чтобы не путался под ногами. Короткая серая шерстка походила на мохнатый обтягивающий комбинезон.

Некоторое время Алекс придирчиво всматривался в мордочку Беса. Мордочка была любопытная и довольно-таки спокойная. Самоуверенная.

– Пробьемся, старик, – сказал Алекс. Оперся о перила остановки, перегнулся, сплюнул на блестящий стальной рельс.

Кроме него и Беса, здесь никого не было. То ли бесплатный муниципальный транспорт и впрямь не пользовался популярностью, то ли просто день такой выпал. День голубого неба, розового заката, окончания праздника. Вчера гуляла вся больница... даже Алексу, формально еще больному, налили сдобренного глюкозой и витаминами спирта.

На десятиметровой высоте властвовал ветер. Алекс даже подумал, не стоит ли спуститься и подождать монор внизу, укрывшись за опорой. Но тут все-таки было интереснее. Открывался вид на город – ровные ряды небоскребов, уже укутанные всполохами реклам, линейки дорог. Очень геометрически правильный город. С другой стороны, за голыми, заброшенными давным-давно полями, угадывались строения космопорта. По мнению Алекса, космопорт был расположен слишком близко к городу... впрочем, возможно, это и спасло ему жизнь. Врач как-то обмолвился, что реанимационный блок, подключенный к Алексу, выработал ресурс и отключился, едва того положили на операционный стол.

Нет, ну кто мог подумать, что полная страховка однажды пригодится? Кто-то в офисе «Третьей грузопассажирской» будет скрипеть зубами, подписывая счета за лечение. Впрочем, выхода у них нет.

– Пробьемся, – еще раз пообещал Алекс Бесу. Снова сплюнул на рельс. И услышал легкую дрожь – приближался вагончик монора.

Двигался он неспешно – Алекс определил скорость приблизительно в сорок восемь с половиной километров в час. Зато разрисован был от души, словно пытался затейливостью

окраски компенсировать медлительность. Уже начинало темнеть, и часть рисунков и надписей слабо светилась, остальные поблескивали, переливались, меняли цвет.

– Вот ты еще не остановись... – озабоченно сказал Алекс. Но монор затормозил. С шипением открылась широкая дверь, украшенная небесталанным шаржем на президента Ртутного Донца, господина Сон Ли. Алекс даже ухмыльнулся, подумав, что предпочел бы видеть этот рисунок на месте обязательного в каждой палате портрета, и вошел в вагончик.

Внутри монор не выглядел приличнее. Жесткие пластиковые кресла, неработающий экран на глухой перегородке, отделяющей водителя от пассажиров.

И публика оказалась вполне соответствующая.

Десяток молодых парней, развалившихся в креслах в конце салона. Типичные натуралы, из тех, что перебиваются грязной работой. Все были пьяны. Все курили травку. Все разглядывали Алекса с ленивым полусонным любопытством. Чуть в сторонке от них дремала в кресле у окна девочка лет пятнадцати, такая же замызганная, плохо одетая, с темными кругами под глазами.

Алекс сел в голове вагончика. Монор рывком тронулся.

– Как нам аборигены, Бес? – спросил Алекс. Покосился на татуировку.

Мордочка бесенка кривилась в брезгливой гримасе.

– Совершенно согласен, – шепнул Алекс. Попытался устроиться поудобнее, хотя и понимал всю тщетность попытки.

Что ж... по крайней мере здесь теплее...

Он даже подумал, что сумеет подремать четверть часа, пока монор будет ползти по окраине.

– Уйди!

Алекс обернулся.

Ну вот. Как по заказу. Повод проявить героизм. Сразу по выходе из больницы...

Один из парней сидел теперь рядом с девочкой. И медленно, неспешно расстегивал ей куртку.

– Говорю – отвали! – резко сказала девочка.

Остальные натуралы просто наблюдали. И за своим товарищем, и за Алексом.

Черт, интересно, хватило бы у них наглости на такое, будь сейчас Алекс в форме мастер-пилота?

Сомнительно...

Но кто сейчас признает в нем спеца?

Девочка посмотрела на Алекса. Усмехнулась. перевела взгляд на парня.

Взгляд у нее был хороший. Не соответствовал внешнему виду.

– Бес, ну ты скажи, нам это надо? – спросил Алекс.

Татуировка на плече не ответила, она не умела говорить. Губы бесенка были плотно сжаты, кулачки слегка разжались, выпуская когти. Прищуренные глаза налились красным огнем.

– Уверен? – со вздохом произнес Алекс. Встал и пошел к девчонке.

Парень сразу же развернулся, подобрался – он был не настолько пьян, как изображал. И вся компания притихла.

– Она не хочет, – сказал Алекс.

Парень облизнул губы, встал. Алекс отметил, что под грубым свитером прокатились бугры мышц. Похоже, моделированное тело. Похоже, с усилением физических возможностей. Ай как плохо... а еще говорят, что муниципальный транспорт для натуралов.

– Она хочет, – сообщил парень. – Просто ломается. У нас принято так. Понял? Двое развлекаются, третий не мешай. Понял? Да?

Резкий акцент делал его речь почти неразборчивой. Похоже, в погоне за мускульной силой все остальные функции организма свели к минимуму.

Алекс посмотрел на девчонку.

– Все нормально, – сказала она. – Спасибо, все нормально.

Бес на его плече недоумевал.

– Во! – торжествующе произнес парень. Наклонился над смирившейся жертвой.

– Я же сказала – отвали, гнись, – резко сказала девчонка. – Не понимаешь?

Алекс оперся о свободное кресло. Происходящее становилось интересным.

Парень глухо зарычал – в его простое сознание не укладывалась необходимость отступить. Протянул руку, по-хозяйски запустил ее в расстегнутую куртку.

– Я предупреждала, – сказала девчонка.

Первый ее удар согнул лженатурала пополам. Второй, растопыренными пальцами, пробил свитер, мгновенно окрасившийся кровью. Третий вбил парня головой в стекло. Стекло захрустело, покрылось сетью трещин, но выдержало.

Через миг девчонка уже стояла рядом с Алексом. Очумевшая компания замолкла.

– Кто дернется – получит больше, – тихо сказала девочка.

Парень медленно сполз на пол. Застонал, обхватив голову руками.

Алекс покосился на бесенка.

Бес ухмылялся, Бес пригнулся, будто собирался соскочить с плеча и азартно кинуться в драку.

– Мне тоже понравилось, – сказал Алекс.

Монор сбросил ход, зашипела открывающаяся дверь.

– Лучше выйти, – бросил Алекс девчонке.

– Справлюсь! – коротко ответила та.

– Почти верю. А с полицией тоже разберешься? Пошли.

Он взял ее за руку с некоторой опаской. Но девчонка послушалась.

Они выскочили на площадку, и двери монора закрылись. Ради них, что ли, водитель остановил? Натуралы уже опомнились. Кто-то поднимал моделированного товарища, слабо трясущего головой и пытающегося идти, кто-то грозил сквозь стекло.

– Я же их не трогала! – сказала девчонка. – Ну я же их не трогала!

Она взмахнула рукой, с пальцев сорвались бусинки крови.

– А этого и не нужно. – Алекс проводил взглядом монор. Тот уже набрал скорость в шестьдесят километров, наверное, предельную на этой старой дороге. Точно водитель решил от беды подальше развести драчунов. – Ты заметила, что парень тоже был спец?

– Спец? – с ноткой интереса спросила девочка. «Тоже» она проглотила... то ли решила не отрицать очевидного, то ли не обратила внимания. Шмыгнула носом, достала мятый носовой платок, вытерла руку. – Да... наверное. Он слишком быстро встал.

Алекс изучал девчонку со все большим и большим любопытством. Ей и впрямь не могло быть больше пятнадцати лет... а если учитывать явную переделку тела...

– Как тебя зовут?

Девчонка посмотрела на него так, будто он поинтересовался ее банковским кодом.

– Меня зовут Алекс. Спец.

– Ким... – После короткой паузы она все-таки добавила: – Спец.

– А это Бес, – Алекс слегка повернулся, показывая девочке татуировку на плече. – Просто Бес.

Бес заискивающе улыбался, заложив ногу за ногу, спрятав хвост за спину и опершись на вилы так, будто это была изысканная трость. Ким сразу посерьезнела.

– Она... он был не такой. Я видела.

– Конечно. Бес бывает разным.

В темных глазах девчонки появилась настороженность. Да... все-таки Ртутное Донце – дыра дырой. Несмотря на статус промышленного центра сектора.

– Не бойся, – сказал Алекс. – Это эмоциональный сканер. Понимаешь?

Притворяться Ким не стала и покачала головой.

– Все очень просто. Жидкокристаллический экран вводится прямо в кожу. Если посмотреть на Беса, то сразу видно, какие эмоции я испытываю. Боюсь, злюсь, размышляю, мечтаю... все как на ладони.

– Как здорово... – Девчонка протянула руку, вопросительно взглянула на Алекса, потом осторожно коснулась Беса.

Чертенок едва заметно улыбнулся.

– Мне нравится, – сказала Ким. – А тебя не смущает, что ты для всех открыт?

– Когда смущает, я выключаю свет.

Улыбка Беса стала явственнее.

– Понятно. – Девчонка кивнула. – Спасибо, что помог, спец Алекс. Удачи.

Она скользнула на лестницу – легко, без всякого страха перед десятиметровой высотой и хилыми перильцами. Алекс перегнулся, глядя, как она сбегает вниз, едва различимая в полумраке. Они были где-то на самой окраине города – вокруг тянулись темные, кажущиеся заброшенными строения. То ли склады, то ли законсервированные заводы... то ли жилые кварталы, настолько уродливые, что в них никто не стал селиться.

– Эй... подруга-спец, – крикнул Алекс, когда девчонка ступила на землю. – А ты есть хочешь?

– Очень! – просто ответила Ким. – Но я на нуле!

– Подожди!

Алекс глянул на Беса – тот пожимал плечами.

– Да, отвыкли мы... – согласился Алекс и перепрыгнул через перила.

Десять метров. Ускорение свободного падения на Ртутном Донце составляло восемь целых три десятых метра в секунду за секунду.

Он кувыркнулся в воздухе, принял правильную позу, встретил удар полусогнутыми ногами, приседая и гася инерцию. Для натурала прыжок стоил бы сломанного позвоночника. Организм Алекса отреагировал именно так, как был спроектирован.

Мягкая, приглушенная волна боли прошла по телу, пока перестроенные ткани поглощали удар. Алекс выпрямился, посмотрел на девчонку.

Ким стояла в боевой стойке – странной, невозможной для натурала позе борьбы ю-дао. Ноги – впереди, будто сломанные и выкрученные в коленях, корпус оттянут назад, левая рука у лица, открытой ладонью к Алексу, правая – вытянута вперед.

Оборонительная стойка шестого разряда.

– Я не нападаю, – быстро сказал Алекс. – Подруга-спец, я не нападаю. Я проверял собственное тело.

Ким плавно выпрямилась. Алексу показалось, что он слышит легкий шорох, с которым ее суставы выходили из боевого режима.

– Ты кто, Алекс-спец?

– Мастер-пилот.

Девчонка смерила взглядом высоту, с которой он прыгнул.

– Девять метров шестьдесят семь сантиметров, – сказал Алекс. – Моя посадочная скорость составляла...

– Ты модифицирован для перегрузок?

– Именно. Я сохраняю подвижность при шестикратных перегрузках, работоспособность – при двенадцати.

– Еще расстояние мерить, как радар...

– И расстояние, и скорость.

Алекс протянул ей руку.

– Подруга-спец, у меня найдутся деньги, чтобы поужинать вдвоем. Примешь ли ты мое предложение, не содержащее в себе скрытых претензий и обязательств?

Девочка сразу расслабилась. Алекс лишь надеялся, что она не глянет на Беса, не заметит его шкодливую улыбку. Он обратился к Ким нарочито церемонно, по всем правилам этикета, не как к девочке, которой она, несмотря на качества спеца, все-таки являлась, а как к взрослой женщине.

– Принимаю твое предложение, друг-спец, – быстро ответила она. – Не вижу в нем плохого.

Поужинать вдвоем – это он сказал чересчур громко. Вдвоем они могли лишь перекусить, да и то в самой дешевой забегаловке. Но Алекс не упустил случая плотно пообедать, пока еще находился на полном обеспечении госпиталя.

А Ким, похоже, давно испытывала проблемы с финансами.

Выбор в закусочной «Мак-Робинс» небольшой и прекрасно известный даже ребенку. Но Алекс все-таки протянул девушке меню.

Ким выбрала сливочную пенку, протеиновый коктейль, витаминизированное мороженое и два стакана минеральной воды. Ни секунды не колеблясь над меню. Провела пальцем по строчкам, коснулась нарисованной кнопки «ввод». Вспросительно посмотрела на Алекса.

– Кофе, – сказал он. – Просто кофе.

– Я истратила все твои деньги? – прямо спросила Ким.

– Да. Но это не беда. Я вполне сформирован, а ты... – Алекс понизил голос, – нимфа.

Лицо девочки вспыхнуло.

– Спокойно, – негромко продолжил Алекс. – Спокойно, пожалуйста. Все проходят через эту стадию. Ничего зазорного в происходящем нет.

– Как ты понял?

– Пицца. Ты заказала очень характерные продукты. Жиры, белки, углеводы, витамины, минералы, вода... Ничего лишнего. Сколько тебе остается до куколки?

– Не знаю.

– Ким, я тебе не враг.

– Да не знаю я! – громко крикнула девчонка. Семья за соседним столиком – родители-натуралы и мальчик-спец – с любопытством уставилась на них. У мальчика неестественно блестели глаза – узкие, слишком широко расставленные. Алекс мимолетно подумал, что не может даже приблизительно угадать направление его трансформации.

– Ким...

– Я не знаю, – уже спокойнее ответила девочка. – У меня сбит метаморфоз. По графику – стадия куколки должна была пройти месяц назад.

Алекс покачал головой. Скверно. Ох, как скверно. Сбитый метаморфоз – это не шутка. От девчонки следует держаться подальше, но... но он, похоже, уже сделал лишний шаг.

– У тебя есть медицинский полис?

– Нет.

– Про деньги и не спрашиваю. А родители? Друзья?

Ким молчала, плотно сжимая губы. Злитесь, похоже, на дурацкие вопросы.

– Понятно.

Алекс достал сигареты, закурил. Покосился на Беса.

Чертеночек держался за голову, мордочка была испуганная и растерянная.

– Я пойду, – тихо сказала Ким. – Извини.

– Сиди, – бросил Алекс. – Твой заказ уже несут.

Паренек в ярко-оранжевых шортах и белой футболке с эмблемой «Мак-Робинса» с улыбкой стал выставлять на стол стаканы и вазочки. Явный натурал, он счел девочку сладкоежкой, ему ничего не говорил странный выбор продуктов.

– Друг, где поблизости можно остановиться? Подешевле? – Алекс протянул кредитную карточку, держа ее за активирующий центр. Парень провел над кредиткой рукой, кассовый браслет тихонько звякнул, списывая со счета деньги.

– «Хилтон», конечно же, – ответил он. – Ближайший – по бульвару в сторону центра, минут пять пешком.

Ни удивления, ни пренебрежения. Иные клиенты в «Мак-Робинс» и не ходят. Лишь те, кто ночует в сети самых дешевых отелей и предпочитает муниципальный транспорт.

– Спасибо, друг.

Парень удалился, явно не рассчитывая на чаевые. И правильно. Чаевые давать было просто нечем.

Алекс отхлебнул кофе – на удивление приличный, посмотрел на девочку.

Ким ела.

Она начала с мороженого, и это было плохо. Все плохо, конечно, но вот усиленная потребность в углеводах – особенно. Это признак близящегося закукливания, иначе нимфа предпочла бы протеиновый коктейль. Времени почти не оставалось.

На Беса Алексу даже смотреть не хотелось.

Ким тряхнула головой, будто мягкое, уже подтаявшее мороженое с трудом проходило ей в горло. Темные волосы рассыпались по плечам. Девочка жадно выпила полстакана воды, выскребла вазочку с мороженым и не останавливаясь, той же ложкой, принялась есть сливочную пенку.

Совсем погано. Организм девочки уже сформировал запас белков для метаморфоза. Точнее – ему кажется, что запас сформирован. Кожа да кости... грудь едва проступает сквозь свитер. Да что же это такое? Создание бойца-спец – одна из самых дорогих генных операций, она затрагивает абсолютно все тело. Сбить подобный метаморфоз плохим питанием, недосыпанием, стрессом – все равно что не суметь огранить редкой величины алмаз.

– Спасибо тебе, Алекс. – Ким наконец оторвалась от еды. Протеиновый коктейль она пила словно через силу. Глаза были ословелыми, полусонными. – Мне это надо было... наверное...

Алекс кивнул. Он еще ничего не решил... или боялся признаться себе в принятом решении.

– А почему Бес отвернулся?

Татуировка на плече и впрямь изменилась разительно. Чертеночек сидел на корточках, глядя в сторону. Краешек уха нервно подергивался.

– Как мультик, – не дождавшись ответа, произнесла Ким. – А он часть твоей трансформации, или потом можно сделать?

– Потом.

– Я тоже... сделаю. Такого же...

Она начинала засыпать.

– Пошли. – Алекс встал. Крепко схватил Ким за руку. Боец-спец должна была отреагировать на слишком резкое движение, но Ким даже не вздрогнула. – Пошли, живо!

Девочка как загипнотизированная двинулась за ним.

Прозрачные двери забегаловки открылись, выпуская Алекса и девочку. Холодный ветер слегка привел ее в чувство.

– Неуютно, – со смешком сказала Ким. – Да? Что ты меня держишь?

– Мы идем в гостиницу, – не останавливаясь, ответил Алекс. – Тебе надо поспать.

– Надо, – согласилась девочка. Она казалась пьяной или под наркотиком. В какой-то мере так оно и было – организм начинал выбрасывать в кровь эндорфины. – Только здесь неуютно.

Алекс ее прекрасно понимал. Стадия куколки – самый опасный момент в жизни спеца. Когда она близится, человеком овладевает агорафобия. Оставаться на открытом пространстве не просто неудобно, а безумно страшно.

– Мы пойдем очень быстро, – сказал Алекс. – Мы придем в отель «Хилтон», нам дадут маленькую-маленькую комнатку, уютную и тихую. Я уложу тебя в кровать, укрою одеялом, выключу свет, и ты поспишь. Когда проснешься, все уже будет хорошо.

– Ладно, – согласилась Ким. – Только мы быстро пойдем. Хорошо?

Она рассмеялась легким, запинаящимся смехом, который знаком любому мужчине, чья подруга перебрала спиртного. Через мгновение ее тон сменился.

– Ты меня не обидишь? А?

Рука девочки легла на плечо Алекса. Рост не позволял ей толком обнять взрослого человека, но Алекс прекрасно понимал – даже эти тонкие пальцы, едва касающиеся шеи, способны за мгновение сломать его позвоночник.

Подозрительность, порой совершенно немотивированная, тоже признак близкого закуливания. А они, что ни говори, практически незнакомы.

– Я тебя не обижу, – сказал Алекс. – Пойдем быстрее, тут холодно.

– Пойдем...

Бульвар был пуст – любителей ночных прогулок в Ртутном Донце водилось немного, – пуст и совершенно не освещен. Алекс быстро шагал по темной аллее, чувствуя, как подрагивает рука девочки на плече. Подрагивает, становясь все горячее и суше.

Проклятие... что же он делает...

Официант не обманул – «Хилтон» и впрямь был рядом. Алекс знал, что когда-то, давным-давно, еще в докосмическую эру, сеть отелей «Хилтон» считалась престижной и дорогой. Но с началом звездной экспансии владельцы сделали ставку на дешевое и массовое жилье. Ставка оказалась удачной.

Снаружи, впрочем, приземистый трехэтажный корпус отеля выглядел вполне прилично. Покрытые пластиковой крошкой стены сохраняли сочный оранжевый цвет на протяжении десятков лет, парящая в воздухе световая реклама обещала чистую правду – «Максимальный комфорт за минимальные деньги».

С Ким, уже повисшей на нем и едва перебирающей ногами, Алекс ввалился в холл отеля.

Ночной портье – мужчина-натурал лет сорока, оценивающе глянул на них. Приветливо улыбнулся. Разумеется, на его взгляд все выглядело очень просто – развлекающийся спец подцепил молоденькую пьяную натуралку. Разубеждать его Алекс не собирался.

– Номер в минимальной конфигурации... на три часа, – бросив взгляд на преискуртант, сказал Алекс. Это были все его деньги, подчистую.

– Второй этаж, номер двадцать шесть, – произнес портье, протягивая кассовый сканер. Алекс достал кредитку, разрешая снятие денег. – Эй, дочка, ты идешь с ним?

– Иду, – довольно твердо подтвердила Ким. – Я лягу в кровать, укроюсь одеялом, и мы выключим свет.

Портье едва заметно подмигнул Алексу.

– Пошли. – Алекс чувствовал, что девчонка может упасть в любую секунду. – Пошли, там темно и тихо...

Видимо, это обещание возымело действие. Держась за него, Ким подошла к лифту.

...Насчет тишины Алекс ее не обманул. Владельцы «Хилтона» знали, как раздражает постояльцев дешевых отелей шум – все равно, с улицы или из соседних номеров. Разумеется, звукоподавителей никто не ставил, но перегородки между номерами заполняла вакуумная пена.

А вот свет включился с беспощадной яркостью, открывая убогий интерьер крошечного номера – двуспальная, но узкая кровать, застеленная синтетическим бельем немислимо пест-

рой расцветки, два пластиковых кресла, пластиковый стол, дешевый экран на стене, полуоткрытая дверь в ванную с гордой наклейкой «Стерильно» над ручкой.

Ким слабо пискнула, закрывая глаза правой рукой. Левая по-прежнему цеплялась за Алекса.

– Убрать яркость! – забыв, где находится, приказал Алекс. Чертыхнулся, провел пальцем по сенсору, уменьшая свет. Лампы под потолком поблекли, на миг приобрели мертвенный синеватый оттенок, замерцали в веселом дискотечном ритме. Наконец ему удалось добиться приглушенного розового света, слащавого, но не режущего глаз.

– Больно, – тихонько пожаловалась Ким.

Ее рецепторы наверняка имели повышенный болевой порог, а сейчас она находилась под метаморфозным обезболиванием. Но боль прорвала все заслоны.

– Сейчас. Потерпи, – подхватывая девочку на руки, сказал Алекс. – У тебя началась стадия куколки. Понимаешь?

Она не ответила – только слабо кивнула.

Алекс положил ее на кровать, стал расстегивать куртку.

– Ты же обещал... что не обидишь... – сказала Ким.

Вот дурочка.

– Не бойся. Я хочу тебе помочь.

Он стащил с девочки куртку, джинсы, свитер. Ким осталась в одних тонких трусиках, промокших от свежей крови. Наверное, она чувствовала кровотечение, потому что попробовала закрыться рукой.

– У тебя месячные? – спросил Алекс.

– Нет... рано.

– Понятно.

Алекс не колеблясь стащил с нее грязное белье, откинул одеяло, уложил девочку поудобнее. Ким ничем не помогала ему, но и не сопротивлялась. Уже хорошо. Наверное, она оттягивала метаморфоз сколько могла. Неосознанно – этот процесс рассудку не подчиняется, – а просто понимая свою незащищенность. Появление Алекса сломало хрупкое равновесие между заложенной в генах программой и сдерживающими закукливание гормонами. Девочка доверилась ему – и сжатая пружина начала раскручиваться.

– Свет мешает? – спросил он.

– Нет...

У нее менялся голос. Начинала перестраиваться гортань.

– Ким, постарайся меня выслушать. Это очень важно, понимаешь?

– Да...

– Тыходишь в метаморфозный транс. Сейчас у тебя начнутся видения... всякие. Твое тело изменится в соответствии с вложенной программой. Все пройдет хорошо, я уверен. Но будет немножко больно. Ты потерпишь?

Девочка слабо кивнула. Из ноздрей скатились капельки крови.

– Хочешь пить?

– Нет... пока.

Алекс вздохнул. Он знал о стадии куколки ровно столько, сколько любой спец, прошедший этот этап и получивший базовое образование. Но в принципе достаточно было помнить одно – стадия куколки должна проходить под надзором специалиста. В случае сбитаго метаморфоза – в госпитале.

Проклятие...

И в карманах пусто.

И никаких знакомств.

Чужая планета, чужой город и чужая девочка, входящая в стадию куколки...

Он подсунил руки под вздрогнувшее тельце, приподнял Ким.

Тридцать девять – сорок килограммов. Непростительно мало для метаморфоза. И... что-то еще, тревожное и неправильное... Дисбаланс массы, нехарактерный для человека.

– Ким!

Девочка открыла глаза.

– Ты не киборгизирована?

– Нет...

– Никаких искусственных органов? Водители ритма, трансплантаты, встроенное оружие?

– Нет.

– Твое тело биологически чисто? Абсолютно? Никаких инородных объектов?

Он мог и ошибаться. Чувство равновесия у него тоже было усилено – для тех редких случаев, когда мастер-пилоту приходится пользоваться совсем уж крошечным аппаратом вроде флаера или ракетного ранца.

Но Ким молчала, испуганно глядя на него.

– Девочка, в куколку нельзя входить, имея импланты! Организм не выдержит!

Это был полный провал. Если девчонке по какой-то причине подсадили искусственный орган – она обречена.

– Клянись...

– Что?

– Клянись, что сохранишь...

Ее рука поползла по животу, остановилась где-то над левой почкой. Секунду пальцы девочки слабо разминали кожу. Потом по телу прошла дрожь, и кожа под пальцами расступилась, открывая карман.

Все-таки не искусственный орган. И даже не встроенная пушка. Просто тайник в теле, практически неразличимая полость.

– Возьми...

Алекс опустил Ким на кровать и осторожно взял из ее рук тяжелый кристалл.

Усеченный конус, пять сантиметров в основании. Прозрачный, словно бриллиант. И столь же дорогой, как бриллиант такого размера.

Алекс приподнял кристалл, посмотрел сквозь него на свет. Розовое свечение лампы стало белым. Он сильно сжал кристалл и почувствовал под пальцами упругую податливость.

Все правильно. Гель-кристалл.

– Откуда он у тебя? – только и спросил Алекс.

– Сохрани! – Пальцы Ким сжались на его запястье с такой силой, что Алекс зашипел от боли. – Клянись!

– Клянусь!

Как нелепо. Умирающая от голода бездомная девчонка носит с собой целое состояние. Кристаллы такого размера используют на звездных крейсерах, в планетарных вычислительных центрах, в комплексах виртуальной реальности, в навигационных центрах крупнейших космодромов. На Ртутном Донце подобных кристаллов может быть пять-шесть штук... вряд ли больше.

– Ты... обещаешь?

– Обещаю.

Алекс наклонился, коснулся губами ее лба.

– Спи. Я знаю, как обращаться с гель-кристаллами. Не бойся.

Она поверила. Ничего другого ей просто не оставалось. Через несколько секунд глаза девочки закрылись, но это не было сном. Повинующееся программе сознание отключилось.

Алекс набросил на девочку одеяло.

Небольшая передышка, от силы на час-полтора. Сейчас ее организм начнет готовиться к метаморфозу.

И все-таки у нее нет шансов...

Крепко сжимая кристалл – разбить его почти невозможно, но рисковать не стоит, – Алекс подошел к столу. Опустил кристалл в стакан, залил водой из графина. Для гель-кристалла это полезно.

Покосился на Ким. Девочка дышала ровно и глубоко. Кровотечение из носа прекратилось... на время.

– Терминал, – приказал Алекс, внутренне готовый, что экран не заработает.

Экран налился матовым белым светом. И то хорошо. Владельцы «Хилтона» могли и не включить в «минимальную конфигурацию» номера стоимость информационных услуг.

– Работаю в минимальном режиме, – вежливо сообщил экран. – Связь ограничена пределами города. Информационные услуги только в бесплатном варианте.

Алекс зашипел сквозь зубы. Хотел было глянуть на Беса, но передумал. Наверняка чертенок сидит к нему спиной. Или вообще ушел, обидевшись на глупость хозяина.

– Информация по гель-кристаллам, – произнес Алекс.

– Выполнено с ограничениями.

Прекрасно...

– Гель-кристаллы с диаметром основания свыше пяти сантиметров.

– Выполнено с ограничениями.

– Преступления, связанные с данной группой кристаллов.

– Выполнено с ограничениями.

– Похищение кристаллов с диаметром основания свыше пяти сантиметров.

– Выполнено.

Алекс улыбнулся.

Конечно, до секретных архивов полиции ему не добраться. Но это и не нужно.

– Перечислить последние пять случаев.

– Невозможно. Гель-кристаллы этого размера становились объектом похищения три раза. Перечислить?

– Да. Только кратко.

– Две тысячи сто тридцать первый год. Базовый кристалл лайнера «Шри-Ланка». Похищен предположительно мастер-пилотом Андреасом Вольфом, спецом, в ходе мятежа. Найден и возвращен компании «Лунный экспресс» после подавления бунта. Используется на лайнере «Шри-Ланка». Подробности неизвестны.

Алекс скривился. Этот случай он знал и так, просто не вспомнил. Не связал позорную историю спеца, возглавившего бунт, и похищение кристалла.

– Две тысячи сто шестьдесят четвертый год. Гель-кристалл развлекательного комплекса «Андалузия», планета Афина. Похищен техническим работником комплекса Дьери Донеску, натуралом. Найден при попытке продажи. Утилизирован вследствие выхода из строя из-за нарушений условий хранения. Подробности?

– Не надо. Дальше.

– Две тысячи сто семьдесят третий год. Базовый кристалл крейсера «Трон». Похищен неизвестным лицом. Не найден. Подробности неизвестны.

Алекс с сомнением посмотрел на Ким. Конечно, она спец. Но поверить в то, что десять лет назад девочка была способна похитить гель-кристалл с военного корабля...

– Находится ли кристалл крейсера «Трон» в розыске?

– Нет информации.

Логично. Армия не объявляет награду за розыск похищенного. И полицию к своим проблемам редко привлекает. Удивительно, что информация вообще просочилась в открытую сеть.

Крейсер «Трон», значит?

Алекс присел перед столом. Посмотрел на стакан, где лежал невидимый сейчас кристалл.

Дело ведь не только в цене кристалла. Если это тот кристалл, если на нем до сих пор содержится вся информация с флагманского крейсера флота... Пусть даже прошло десять лет.

– Почему я всегда не просто влезая в дерьмо, а по самые уши... – риторически спросил Алекс.

Кристалл ответить не мог, девочка спала, терминал не считал фразу корректным вопросом. Алекс вздохнул. Что ж, доказательств нет. Можно допустить, что это совсем другой кристалл.

– Терминал... доступ к бирже труда.

– Выполнено.

Хоть в этой услуге не отказано.

– Вакансии на планете Ртутное Донце для мастер-пилота, спеца, возраст тридцать четыре года, стаж работы шесть лет, квалификационный разряд первый, годен без ограничений, лояльность подтверждена, лист нарушений чист... э... годен без ограничений, заключение врачей от сегодняшнего числа. Вывести текстом.

Вакансии были. Целых пять вакансий.

Алекс подошел поближе к экрану.

Первый вариант заставил его усмехнуться. Суборбитальные и орбитальные грузовые перевозки. Лихтер класса «Хомяк». Предлагать эту работу мастер-пилоту... надо иметь очень большое чувство юмора. Тридцать кредиток в неделю. Аванса нет. Бесплатное жилье в отеле «Хилтон».

– Первую вакансию стереть...

Второй и третий вариант были немногим лучше. Трассы Ртутное Донце – гипертерминал и Ртутное Донце – пояс астероидов. Лихтера класса «Хомяк» и «Барсук». Шестидесят кредиток в неделю. Отель «Хилтон» или квартира от концерна.

– Вторую и третью стереть.

Они тут что, купаются в мастер-пилотах? Или... или действительно не имеют нужды в спецах подобной квалификации?

Четвертая вакансия заставила его на миг задуматься. Лайнер «Гёте». Второй мастер-пилот. Независимая компания «Солнечная». Сто кредиток. Премии. Аванс в размере месячной зарплаты. Полное обеспечение. Вот только особые условия... контракт на пять лет без права расторжения.

– Стереть.

Пятая вакансия была от армии. Корабль снабжения флота. Семьдесят кредиток плюс положенные надбавки. Контракт на год. Очень симпатичный вариант.

Вот только – армия...

– Стереть.

Девочка слабо застонала. Алекс обернулся – Ким неловко водила головой по подушке. Глаза были открыты.

– Кристалл...

– Все в порядке. Он в безопасности.

– Угу...

Она снова отключилась.

Да, ценность кристалла девочка понимает прекрасно, раз уж смогла прервать транс.

– Что мне с тобой делать? – тихо спросил Алекс. – А?

Сбитый метаморфоз – не шутка. У нее вот-вот начнутся видения. Она может впасть в буйство, а не контролирующей себя боец-спец – это ужасно. Но даже если девочка будет вести себя тихо – ей потребуется пища, ей потребуется покой, потребуются лекарства. Все это стоит денег, которых нет.

– Обновление информации, – сообщил терминал.

Алекс посмотрел на новую вакансию, возникшую на экране.

Корабль «Зеркало». Внекатегорийный, земная сборка. Мастер-пилот, совмещено с должностью капитана корабля. С должностью капитана!

Алекс вздрогнул. Впился взглядом в сухие строчки.

Рейсы не определены. Двести кредиток в неделю. Аванс за два месяца работы. Полное обеспечение на борту корабля и «достойное должности обеспечение в портах». Компания «Небо». Контракт на два года.

– Не бывает, – убежденно сказал Алекс. – Такого не бывает.

Не удержался и покосился на плечо. Бес и впрямь сидел спиной, но теперь он повернул голову, с любопытством глядя на Алекса.

– Не бывает таких контрактов... тем более в нужное время, – сообщил Алекс. – Верно?

Бес явно был с ним согласен.

– Стереть? – предложил терминал.

– Я тебе сотру... Подробности!

– Нет информации.

– Открытая информация по кораблю «Зеркало» и компании «Небо».

– Нет информации.

Такие контракты стоит хватать сразу – если в голове не хватает мозгов. Двести кредиток – слишком высокая плата даже за совмещение должностей мастер-пилота и капитана. Неизвестная компания, неизвестный корабль, отказ в подробностях контракта... Прежде чем войти, всегда надо уточнить условия выхода – эту истину Алекс понял после своего первого контракта, заключенного вроде бы на один год, но затянувшегося на три.

А главное – должность капитана! Это больше чем контракт. Это судьба.

Ким застонала.

– Короче, я влип, да? – спросил Алекс у Беса.

Татуировка хмуро смотрела на него.

– Вернуться к контракту на лайнер «Гёте», – сказал Алекс.

– Невозможно. Контракт уже взят.

Алекс облизнул губы. Достал кредитку. Протянул к экрану.

– Запрос на заключение контракта с компанией «Небо», должность мастер-пилота и капитана корабля «Зеркало».

Прошло секунд десять, прежде чем терминал отозвался.

– Ваши данные приняты.

Из щели под экраном выскользнул листок. Алекс пробежал его глазами – совершенно стандартный, утвержденный профсоюзом текст. С маленькой хитростью – Алекс не имел той информации о корабле и компании, которую должен был иметь...

– Вам дано пять минут на принятие решения.

– Уточнить дату вылета с планеты, – сказал Алекс.

– Не позднее чем через трое стандартных суток.

– Данные по экипажу?

– Подбор экипажа оставлен в компетенции капитана.

– Такой вкусный сыр кладут лишь в мышеловки... – пробормотал Алекс.

Он не знал, чем ему не нравится контракт, не мог сформулировать. Наверное, именно тем, что был слишком хорош...

– Включить режим заключения договора, – приказал Алекс.

На экране возник текст договора.

– Я, мастер-пилот, Александр Романов, спец, подданство Земли, заключаю приведенный на экране стандартный трудовой контракт с компанией «Небо» и принимаю на себя обязанности капитана и мастер-пилота корабля «Зеркало» на срок два года.

– Принято, – сообщил терминал. – Информация направлена в профсоюз пилотов и компанию «Небо». Осуществить трансфер денег на ваш счет?

– Да.

– Выполнено. Предоставить документацию на корабль?

– Да. В твердой копии.

Алекс чувствовал, что где-то позади захлопнулась дверца мышеловки. Но кусок сыра уже был в его зубах, и он не собирался портить себе аппетит немедленно.

– Включить торговый режим.

– Невозможно в минимальной конфигурации.

– Оплачиваю данный номер гостиницы на срок одни сутки в максимальной конфигурации.

– Принято.

– Ближайшая аптека со службой экстренной доставки. Видеорежим.

Где-то внизу, в холле, наверняка усмехнулся ночной портье, когда Алекс оплатил номер на сутки и по полной стоимости. Обычное дело: спец решил продлить удовольствие.

– Тебе бы такое развлечение, – покосившись на неподвижное тело девочки, пробормотал Алекс. А на экране уже появилось лицо девушки-натуралки, одетой в бледно-зеленую форму аптечного служащего.

Глава 2

Закукливание началось ровно в полночь, будто организм Ким сверялся по часам. Девочка вскрикнула, вытянулась, сбрасывая одеяло. Застыла на кровати, медленно выгибаясь дугой.

Алекс повертел в руках ампулу обезболивающего, но спешить не стал.

Метаморфоз – процесс неприятный, даже если перестройка организма минимальна. А уж в случае бойца-спец, да еще и с нарушенным графиком...

Вначале ее вырвало, одной желчью. Алекс принес девочке воды, помог напиться – она вряд ли понимала, что происходит, но жадно приникла к стакану. Потом начались кровотечения. Женщинам, в силу физиологии, труднее переносить закукливание, чем мужчинам, – на взгляд Алекса она потеряла не меньше полулитра крови. Он ввел Ким два стограммовых флакона кровезаменителя, третий попросту не успел – вены стали ускользать из-под пальцев. Тело девочки сотрясала мелкая дрожь, кое-где проступал кровавый пот. Алекс молча сидел у кровати, временами обтирая ее бактерицидными салфетками. На полу уже валялась маленькая грязная горка. Бес на его плече брезгливо морщился.

– Ничего, потерпишь, – сказал ему Алекс. – За мной тоже убрали кровь и дерьмо.

Возможно, Бес уточнил бы, что это делали санитарки из натуралок, привычные к такой работе и получающие за нее деньги. Но коллоидные татуировки не умеют говорить.

В два часа ночи тело девочки окостенело. Пульс почти не прощупывался, сердце билось редко, хотя и сильно. Алекс подключился к медицинской базе данных, просмотрел рекомендации, после чего поднял Ким с кровати, отнес в ванную и уложил в теплую воду. Разумеется, инвалидный набор в ванной комнате был, и Алекс пристегнул девочку ремнями так, чтобы она не могла захлебнуться. Четверть часа передышки, которую ему обещал компьютер, он потратил на проветривание комнаты. Грязное белье и салфетки упаковал в пластиковый пакет. Вышел в коридор и выпил чашку кофе из автомата.

Когда он вернулся, Ким уже порвала один страховочный ремень и пыталась дотянуться губами до мутной теплой воды.

– Вот дурочка, – вытаскивая ее из ванны, сказал Алекс. – Дура ведь, а?

Девочка не отвечала. У нее сейчас оставались лишь простейшие животные инстинкты. Но в его руках она неожиданно успокоилась, позволила уложить себя на матрас, с жадностью выпила два стакана минеральной воды и затихла.

Алекс постоял, глядя на нее, недоуменно пожал плечами. Судя по всему, первичная перестройка организма закончилась, внутренние органы видоизменились. Но внешне Ким ничем не напоминала обычного бойца-спец с их плотной сероватой кожей, расширенными глазами, рельефной мускулатурой, укрупненными пальцами рук...

Следующим этапом метаморфоза была стабилизация тела. Но девочка преподнесла ему сюрприз.

Перестройка пошла заново. Вторая волна перестройки тела – это программировалось, но редко, очень редко.

На этот раз Ким стала кричать от боли. Очень слабо, у нее не оставалось сил на такую мелочь, как крик, но настолько жалобно, что услышь ее кто-нибудь – через пять минут в номер ворвалась бы полицейская спецбригада.

Алекс ввел ей две ампулы наркотика. Спустя четверть часа не выдержал, вколол кардиостимулятор и добавил еще одну дозу обезболивающего.

Бес на его плече возмущенно приставил палец к виску.

– Да, если умрет – все повесят на меня, – согласился Алекс. – Понимаю.

Когда он вновь стал прослушивать сердце, то услышал лишь тишину.

Но девочка размеренно дышала.

Ему потребовалось несколько минут, прежде чем он догадался прослушать всю грудную клетку.

Сердце переместилось на центр груди.

– Зараза, – только и сказал Алекс, выпрямляясь. Как будто девочка знала заранее все, что с ней произойдет. Как будто у нее было время сообщить ему детали метаморфоза.

В общем-то – логичная трансформация для бойца-спец. Может спасти жизнь, если кто-то станет прицельно стрелять в сердце.

К четырем утра Ким притихла. Дыхание стало ровнее и глубже, сердце, обосновавшееся посередине груди, стучало ритмично и спокойно. Другое дело, что щеки у девочки ввалились, проступили ребра и тазовые кости, будто она неделю голодала. Карман на животе раскрылся – кожа воронкой втянулась внутрь, четко обозначив мышечное кольцо. Приобретение для спеца не столь бесполезное, сколь странное. Скорее оно пригодились бы контрабандисту, но кому нужен контрабандист-спец?

– Затеяники были твои родители, – сказал Алекс. Вытер покрытое потом лицо девочки. Трудно было поверить, что несколько часов назад она тремя ударами вырубил крепкого мужика.

Пожалуй, увидев Алекса с такой подружкой, портье мог бы и отказать им в номере.

Зато стабилизация шла ровно, будто все происходило по графику, в больничной палате, под присмотром опытных медиков. Салфетки кончились, Алекс обтер девочку мокрым полотенцем и присел у окна покурить. Похоже, с перестройкой тела она справилась. Но любой спец состоит не только из мускулов, нервов и внутренних органов. Есть еще мозг.

И это в общем-то главное.

Ким застонала.

Алекс загасил сигарету, сел рядом, взял ее за руку. Его товарищ, навигатор-спец из «Третьей грузопассажирской», утверждал, что спец, выходящий из стадии куколки, фиксируется на находящихся рядом людях, переживает своеобразный импритинг. В пример он приводил себя, женившегося на медсестре, опекавшей его во время закукливания. Теория была красивая, Алекс с ним не спорил, но сам не испытывал ни малейших чувств к медсестрам и врачам, бывшим с ним при метаморфозе. Уж если у него и произошел импритинг, так, наверное, на крепкий сладкий кофе, которым его поили в ходе закукливания.

Девочка стала что-то бормотать. Явственно, но на незнакомом языке. Не лингва, не английский, не китайский, не немецкий, не русский... Алекс хотел было включить экран и потребовать синхронный перевод, но передумал. В этом было бы что-то от подглядывания в замочную скважину.

– Не хочу! – резко сказала Ким. Голос ее почти не изменился, и это Алекса порадовало. Не хватало только девочке сохранить прежнее тело, но обрести резкий командный тон.

– Хочешь или не хочешь, что уж теперь, – сказал он. – Терпи.

– Не надо... пожалуйста... не надо... – очень жалобно попросила Ким.

Алекс погладил ее по щеке. Разум девочки блуждал сейчас в мире грез и фантазий. Одно дело – изменить тело. Другое – изменить душу. Самая тонкая часть метаморфоза. Сейчас Ким переживает запрограммированные еще до ее рождения ситуации. Привыкает к ним. Учится любить свою будущую профессию.

Алекс прекрасно помнил свой метаморфоз. Пьянящее чувство полета. Глубины космоса. Россыпи звезд. Пилотирование – в фотосфере звезд, в астероидных поясах, в бушующей атмосфере планет-гигантов, в рвущемся пространстве сражающихся эскадр.

Честно говоря, он даже не знал, требовалась ли ему эта эмоциональная накачка – Алекс и так мечтал стать пилотом, с самого детства. Это счастье, когда знаешь, что твоя мечта неизбежно осуществится...

Вот только грезы бойца должны быть другими.

И барьер между фантазией и реальностью, неизбежно слабый, может быть нарушен в любую секунду. А боец-спец способен убить человека одним ударом.

Очень интересно получится, если утром девочка очнется и увидит рядом с кроватью бездыханный труп того, кто вытаскивал ее всю ночь...

Алекс подумал было о том, чтобы связать Ким. Но это могло лишь навредить. Если помраченный разум воспримет происходящее как агрессию, ему конец.

– Терпи, девочка, – сказал он. – Немножко уже осталось. Самое трудное позади.

Он врал, но это была необходимая ложь.

– Ты знаешь... – Голос Ким прозвучал тихо, но... что-то было в нем. Какая-то немислимая, невероятная честность, робкая отвага, откровенность, признательность... душа. – Ты знаешь, увидев тебя, я поняла – это навсегда...

Алекс поперхнулся. Глаза Ким были по-прежнему закрыты. Она витала в своих фантазиях.

Словно в поисках поддержки Алекс посмотрел на Беса. У чертенка отвисла челюсть.

– Да, – согласился Алекс. – Хотел бы я услышать такое в свой адрес. Глупо, конечно, но хотел бы.

Ким улыбалась, не открывая глаз. Он снова вытер ей потное лицо. Подумал и сообщил Бесу:

– А может быть, и нет. После этого трудно быть сволочью, а все равно бы пришлось.

Бес одобрительно кивнул.

– Бальмонт, – неожиданно сказала девочка. Помолчала немного. – Айвазовский. Гоген. Микеланджело.

Алекс пожал плечами. Подошел к окну, включил прозрачность. Над городом уже поднимался рассвет – мутный, дымный, как и положено на Ртутном Донце. Вчерашний день кончился, канул в прошлое.

– По. Шелли. Шекспир. Китс. Набоков. Акутагава...

– Пушкин, – предложил Алекс, не оборачиваясь.

– Пушкин. Лермонтов. Фет...

Ким помолчала и заговорила быстрее:

– Верлен. Рембо. Бернс. Гейне. Шиллер. Гёте. Бодлер. Уитмен. Уайльд.

– Правильно, не замыкайся на русских, – сказал Алекс. – Хорошее классическое образование, одобряю... только какого дьявола оно солдату?

– Басё. Сапфо.

– Хотел бы я знать, по какому принципу ты их чередуешь...

– Шопен. Чайковский.

– А с поэзией мы уже закончили? – спросил Алекс.

– Данте... – с легкой неуверенностью произнесла девочка. – Гумилев. Быков. Робеспьер.

– Чего? – заинтересовался Алекс. Посмотрел на Ким – та облизнула губы и начала говорить очень быстро:

– Черчилль. Ленин. Маркс. Ганди. Гейтс. Дэн Ляо Вэнь.

Алекс уселся в кресло, закрыл глаза, вытянул ноги. Он все-таки изрядно устал. А девочка все говорила и говорила, проносясь по земной истории с непринужденностью и точностью шрапнели. Некоторый перекокс все-таки остался в сторону поэзии и музыки, но ни политика, ни живопись, ни архитектура, ни наука не остались незатронутыми.

Похоже, Ким и впрямь шла путем своего метаморфоза. Вложенные в перинатальном периоде знания взрывались сейчас в ее мозгу маленькими бомбами. За каждым названным именем для нее вставал целый образ – даты рождения и смерти, события, картины и стихи, строки из воззваний, сплетни, может быть, даже инсценировки и архивные видеозаписи.

Все очень мило. Только совершенно ни к чему для бойца-спец.

Алекс задремал.

Несколько раз он просыпался от тишины – Ким замолкала, потом начинала говорить на немецком, который Алекс почти не знал, на японском, на английском, на русском, на китайском. Имена давно уже кончились. Теперь она просто вела беседы с несуществующими собеседниками. Беседы ни о чем.

– Это слишком лестное предложение, мсье...

Алекс снова погружался в дремоту. Он умел отдыхать в рваном ритме, проваливаясь в сон на несколько минут, мгновенно пробуждаясь, оценивая обстановку и засыпая снова. Полезный навык в его работе, и он получил эту способность. Но никто не учил его мировой истории. Это не нужно ни одному спецу.

– Да, ваша светлость...

Пилот спал.

– Алекс...

Он открыл глаза.

Девочка сидела на кровати, закутавшись в простыню. Щеки ввалились, глаза горели лихорадочным блеском. Но она была в полном сознании.

И ничуть не изменилась.

– Где кристалл?

Алекс взглядом указал на стол. Ким вскочила, придерживая простыню, подошла к столу, взяла стакан.

– Тут?

Пилот молча кивнул.

Пальцы Ким скользнули в воду. Нашупали невидимые грани – и лицо девочки сразу ослабилось.

– Отвернись... пожалуйста.

Он отвернулся. Когда посмотрел снова, в полупустом стакане уже не было кристалла.

– Я прошла метаморфоз? – спросила девочка.

Алекс кивнул.

– Правда?

– Да.

Ким тихо засмеялась:

– Я... я боялась. При сбите метаморфозе ведь можно умереть?

– Ты пыталась это сделать. Но я не согласился.

– Алекс... – Она мигом посерьезнела. – Друг-спец, признательна тебе за помощь. Я отвечу добром на добро.

– Верю. – Алекс с неохотой выбрался из кресла. Ночные впечатления уже сглаживались, теряли яркость. Оставалась только усталость. – Прими душ, я пока закажу завтрак в номер. Хочешь есть?

– Очень.

– Значит, все в порядке.

Он искал в ее лице хоть тень изменений. Вот если бы зрачки приняли вертикальную форму, а уши заострились... Или изменились цвет и плотность кожи...

Алекс протянул руку, потрепал Ким по щеке. Девочка улыбнулась, воспринимая ласку без малейшего смущения.

Кожа как кожа...

– А почему у Беса такая растерянная мордочка?

Алекс хмуро глянул на татуировку.

– Потому что он тупой. Почти как я. Иди умывайся.

– Спасибо... – Она чуть потянулась, привставая на цыпочки, чтобы чмокнуть его в щеку. И со смехом скрылась в ванной.

– Ничего не понимаю, – честно сказал Алекс.

Неужели метаморфоз все-таки сбился?

Удалась психологическая фаза, но не изменилось тело? Однако ведь сердце сместилось... и еще этот карман под ребрами... Впрочем, карман был у девочки и раньше.

Он подошел к экрану, заказал в кафе при отеле плотный завтрак на троих. Никаких сомнений в том, что Ким осилит две порции, у Алекса не было.

Когда Ким вышла одетая в дешевый гостиничный халатик, посвежевшая, завтрак уже принесли. Жареные яйца с грибами, отварная телятина, обилие сока и тостов, кофе – у Алекса было особое мнение по поводу завтрака для юных девушек-спец.

– Ой, я столько не съем, – глянув на стол, сказала Ким.

– Это тебе только кажется. Иди сюда.

Он расстегнул ей халат, и девочка чуть напряглась. Алекс на это внимания обращать не стал. Прикоснулся к груди.

Все верно. Сердце под грудиной. Легкие, вероятно, стали одинакового размера. Куда сместились пищевод и трахея – можно только гадать.

– Ким, в кого ты должна была трансформироваться?

– Что-то не так? – быстро спросила она.

– Я должен знать, что «так», чтобы ответить, что «не так». Кем ты должна была стать?

– Бойцом-спец... кажется.

– Кажется?

– Мне никогда об этом не говорили. – Ким не отводила глаз от его руки. – Я думаю, что бойцом-спец... у меня есть... был дружок. Его программировали на бойца, так вот, у нас оказались общие программы обучения.

– Оружие, рукопашный бой, тактика и стратегия? – Алекс убрал ладонь.

– Да.

– Странно. Ты знаешь, что кожа бойцов, к примеру, меняет свой состав и приобретает легкий сероватый оттенок?

Ким нахмурилась:

– По-моему, даже красиво!

– Не спорю. Но с тобой этого не произошло. И всех остальных признаков нет.

– Что-то пошло неправильно? У меня не закончился метаморфоз?

Она действительно испугалась.

– Может быть, и нет. В рамках каждой специализации есть свои группы. Я не знаток боевых трансформаций... тебе придется показаться врачу. Садись ешь.

Ким ела быстро, и в этом не было ничего удивительного. Скорее поражало, что она ухитрялась есть изящно, даже красиво.

Алекс доел яичницу, выпил кофе и подошел к экрану. Лист с документацией на корабль дожидался его в лотке принтера.

Он начал читать в полной уверенности, что его ожидают неприятные сюрпризы.

Читал – и впадал все в большую и большую растерянность.

«Зеркало» было многофункциональным кораблем звездного класса. Чем-то средним между прогулочной яхтой и пассажирским кораблем, с биокорпусом, хорошим оснащением, приличным вооружением, более чем удачными двигателями. Мечта, а не корабль. Экипаж до шести человек, количество пассажиров в два раза больше. Пожалуй, Алекс не отказался бы от этого контракта, даже будь у него время хорошенько подумать. Капитан, да еще с правом на собственный подбор экипажа...

– Ну не бывает такой удачи... – пробормотал он.

- Алекс, а откуда у тебя деньги? Ты вчера был на нуле.
- Нашел работу. – Алекс сложил лист, спрятал в карман куртки. – Ким, откуда ты родом?
- Издалека.
- Понятно. У тебя есть куда пойти в этом городе? Где жить, чем зарабатывать на хлеб?
- В ее глазах вновь появился легкий испуг.
- Нет. То есть да... но я бы не хотела.
- Понятно, – повторил Алекс. – Мне надо сейчас уйти. Ты можешь остаться здесь.

Дождаться меня или просто отдохнуть и исчезнуть.

- Я... дождусь. – Девочка опустила глаза.
- Ладно. Давай кредитку, я перекину немного денег. Тебе стоит переодеться.
- У меня нет кредитки.
- А идентификатор? Хотя бы детский?
- У меня нет никаких документов.

Одной нелепостью больше – одной меньше... Алекс подошел к экрану и перевел часть денег на счет гостиницы, открыв кредит. Сказал:

- Все-таки закажи себе одежду. И постарайся есть чаще. Не слишком помногу, но часто.
- Я знаю.

Алекс кивнул и больше ничего говорить не стал. Ни о необходимости интенсивной физической нагрузки в первые дни после метаморфоза, ни о возможности головокружения и потери сознания, ни о пользе сауны, которая есть в отеле.

- Заблокируй за мной дверь, – попросил он.

Ртутное Донце колонизировали двести лет назад, кажется, с самой первой гиперканальной станции, построенной на Луне в середине двадцать первого века. В информационной сети наверняка можно было получить подробную информацию, но она в общем-то Алекса не интересовала. Какая разница, что за станция, вслепую шаря в океане гиперпространства, вывела канал от Земли к Ртутному Донцу?

В любом случае планета не избежала судьбы, общей для всех первых земных колоний. Она была форпостом, где посреди бескрайних джунглей закладывались поселки, гарнизоны, заводы. Вначале – осторожно, потом, когда выяснилось, что местная природа беззащитна перед человеком, – все более активно. Поток эмигрантов, хлынувший с перенаселенной Земли, массовое клонирование младенцев, увеличившее прирост населения в десятки раз выше нормального, – все это было обычным делом.

Вот разве что колонии никак не удавалось сбросить с себя ярмо промышленного гиганта. Слишком много полезных ископаемых, слишком развитая инфраструктура. Планета задыхалась в отходах, но алчность пока перевешивала. По мнению Алекса, это могло продолжаться еще лет двадцать – тридцать.

Он вышел из «Хилтона», избежав взглядов любопытного портье – тот успел смениться. На улочке чуть в стороне от отеля скучали в своих колымагах несколько таксистов.

- В порт, – садясь рядом с водителем, сказал Алекс.
- Космопорт? – зачем-то уточнил водитель, благообразный натурал средних лет.
- А что, есть другие?
- Аэропорт... к северу – речной порт... – вырвав с обочины, начал перечислять водители. – Да и космопортов у нас вокруг города три.
- Центральный гражданский.

– Угу. – Водитель вогнал машину в жиденький транспортный поток, пробежался по сенсорам маршрутизатора и убрал руки с руля. На взгляд Алекса – слишком самонадеянный поступок, старая система автоуправления машины не вызывала ни малейшего доверия. Но он не стал протестовать.

Несколько минут они ехали молча. Против ожиданий, машина шла ровно, выдерживая дистанции и не дергаясь попусту.

– Издалека? – поинтересовался водитель.

– Да. С Земли.

– Был там, – с заметной гордостью сообщил водитель. – Хорошая планета, опять же – прародина... Но у нас лучше.

– Дома всегда лучше, – дипломатично ответил Алекс.

Он хорошо знал нравы колоний. Либо полное самоуничижение и преклонение перед Землей, либо гордо выпяченные подбородки и старательная слепота.

– Я в армии служил, – сообщил водитель. – Четыре года. Сержантом вышел... вот. У нас были учения на Земле. Три недели.

– Правда?

Алекса абсолютно не занимали ратные подвиги водителя, заключавшиеся наверняка в паре миротворческих акций. И обстоятельства, при которых тот побывал на Земле, – тоже.

Но вежливость требовала поддерживать разговор.

– Ну да. Целых три недели. Мы были в этой... как ее... Америке.

– В Северной или Южной?

– А их две? – Водитель засмеялся, чистосердечно признавая свое невежество. – Там холодно было. В Северной, наверное? Мы еще летали охотиться на этих... пингвинов. Недалеко, через пролив махнешь на боте – и оттягивайся. Только не подумайте, все честно, по лицензии.

– Не люблю охоту.

– Вот и зря. Самая мужская забава. Война и охота... но война – это опасно.

Алекс с трудом сдержал улыбку. Очень героический и мужской подход.

– Кстати... а можно оплату вперед... – Водитель еще раз окинул его взглядом и, видимо, усомнился в кредитоспособности. Тоже забавно. Либо требуй денег сразу, либо терпи...

Достав кредитку, Алекс активировал ее. Глянул на мелькнувшие на счетчике цифры. Вполне разумная цена.

– Спасибо, – ничуть не смутился водитель. – А что в космопорте интересует?

– Я пилот.

– А... ну... – Водитель принужденно рассмеялся. – Разве натуралов берут в пилоты?

– Я спец. У нас практически нет внешних отличий.

– Меняют-то многое?

– Хватает. Вот если мы сейчас врежемся во встречный грузовик... – при этих словах Алекса водитель торопливо глянул на дорогу и даже коснулся руля, – то тебя размажет в лепешку. Слишком сильная перегрузка. А я скорее всего уцелею. И выберусь из машины на собственных ногах.

– Веселый ты парень... – Водитель все-таки оставил руки на руле. – Одежка у тебя... не пилотская.

– Так случилось. Ничего, переоденусь.

– Да еще татуировка твоя... Вот, глянь, как мне в армии накололи!

Алекс задумчиво посмотрел на руку водителя. Каждый палец украшало изображение обнаженной девицы. На мизинце – кокетливая нимфетка, на безымянном – пышная негритянка, на среднем – длинноногая белокурая модель, на указательном – обвившаяся вокруг столба стриптизерка, на большом – присевшая в странной позе азиатка. На самой ладони возлежал бравый вояка в силовой броне и при этом почему-то в парадном берете. Даже спина вояки выражала пресыщенность и задумчивость.

– Хорошо накололи, – согласился Алекс.

– Придется выводить, – вздохнул водитель. – Память, конечно, но... Дочка растет... нехорошо. Глянет папке на руку – а у того там не пальцы, а целый гарем...

– Обычное армейское дело, – сказал Алекс. – Не пальцы, а целый гарем.

Водитель настороженно посмотрел на него, но лицо пилота оставалось непроницаемым.

– Шутить? – уточнил он.

– Да нет, как можно. А ты сотри только девиц. Воина оставь. Вот и память будет.

Лицо водителя просветлело.

– Слушай... а ведь верно! Голова! Мне как-то и на ум не пришло...

– Это ничего. Бывает.

Машина уже проезжала где-то в районе госпиталя, мимо редких столбов монора. Движение оставалось на удивление редким.

– Для грузов тут подземная трасса, – угадал удивление Алекса водитель. – Ну... и пассажирские капсулы там гоняют. Охота кому-то под землю лезть...

Видимо, это было его больным местом – подземка, оттянувшая на себя часть выгодных пассажиров. Несколько минут водитель пересказывал Алексу историю строительства подземки. По его словам выходило так, что она не нужна никому, кроме коррумпированных чиновников из мэрии.

Алекс прикрыл глаза. Зря он все-таки завязал разговор. Надо было расплатиться и поспать. Полчаса сна – немало.

– У тебя тоже татуировочка милая, – сделал комплимент водитель. – Вроде ничего особенного, плюнуть и растереть... А лицо у чертика хорошо сделано! И усталость видно, и скуку, и... это... снисхождение, что ли. Будто плевать он на всех хотел.

– Это плохо, – пробормотал Алекс. – Я такую не заказывал...

– Брось, хорошо вышло! – Водитель уже полностью оправился от смущения. – А ты славный парень, хоть и спец. Не подумай... сам я совершенно нормально к вам отношусь. Но ведь есть у спецов такое... пренебрежение к натуралам, что ли. Да?

– Встречается.

– Я даже дочурке хотел сделать спецификацию, как узнал, что жена понесла. У нас в общем-то недорого. Правительство помогает, можно оплатить в кредит, на десять лет. И что ты думаешь?

– Что?

– Не сошлись мы с женой. Я как думал? Лучше всего дочке быть хорошим техником. Всегда есть потребность, зарплаты высокие, опять же – стоит недорого. У нас в армии, на базе, была вольнонаемная девица-спец, сантехник. Ты бы видел, как она пальцами приржавевшие гайки отворачивала! Утечки на слух с двадцати метров брала! А как она фановые трубы продувала! При всем том – красавица. Ну, предложил своей... она чуть не в слезы. «Не хочу, чтобы у дочки вся жизнь по колодцам и подвалам прошла!» При чем тут жизнь? Одно дело – работа, другое – жизнь. Говорю ей, чего же ты хочешь? «Пусть моделью будет...» Нет, ну ты признай, бред?

– Бред.

– Такие спецификации государством не поддерживаются... они столько стоят... Да и что за работа – вилять задницей на подиуме? Опять же, сегодня в моде худые как щепки, завтра все за пышными гоняются. Как угадаешь?

Алекс молчал.

– Спишь что ли, спец?

Он не ответил, и водитель замолчал. Кажется, даже немного обидевшись. И затормозил на стоянке порта слишком резко, будто хотел, чтобы Алекса бросило лицом на стекло.

– Спасибо, – сказал Алекс, открывая глаза. Он действительно задремал, но тело отреагировало само, перераспределило нагрузку и намертво зафиксировалось в кресле, едва началось торможение. – Удачи тебе.

Чаевых сверх того, что было включено в счет, он не оставил.

Центральный гражданский космопорт Ртутного Донца свое название не оправдывал.

Когда-то он и впрямь был главной перевалочной точкой между планетой и орбитой. Но лет двадцать назад был построен новый гражданский космопорт, более удаленный от столицы, способный принимать большие современные корабли. Титула Центрального де-юре он не получил, но де-факто им стал.

Алекс курил, стоя у стеклянных раздвижных дверей. Конечно, людей было много, но это скорее проистекало из малых размеров корпусов. Лишь периодически из дверей выплескивались похожие, будто клонированные, толпы, отмечая приход очередного шаттла. Смены на орбитальных заводах и верфях длились по трое суток, но заводов вокруг Ртутного Донца вращалось очень, очень много.

Отбросив сигарету, Алекс вошел в здание. Он вдруг понял, что просто оттягивает, насколько возможно, последние шаги к кораблю.

Сновали работники портовых служб, толпились у регистрационных стоек работяги в униформе и гражданские пассажиры. Прохаживались секьюрити, все как один спецы, обманчиво невысокие и узкоплечие.

Алекс прошел к одной из дверей, ведущих в служебные ярусы порта. Отметил, что несколько секьюрити остановились поодаль, контролируя ситуацию. Произнес, глядя на пластину телекамеры:

– Александр Романов, спец, капитан и мастер-пилот корабля «Зеркало», компания «Небо», Земля.

Под ключицей едва ощутимо запульсировал идентификатор, вживленный под кожу два десятка лет назад. Проверка шла по полной программе, с экспресс-анализом генотипа.

Алекс терпеливо ждал, пока молекулярные детекторы отловят в капиллярной сети действительно молодой, только что попавший в кровь лимфоцит, расщепят его, сравнят с эталонным образцом. Идентификатор, работающий в режиме максимальной бдительности, обмануть невозможно. Даже если вырезать его из тела и поместить в пробирку со свежей кровью владельца – это ничего не даст. Проверка могла занять несколько минут, но безопасность стоила больше.

– Идентификация успешна, доступ разрешен, – отозвался терминал. Голос был человеческий, похоже, что его проверял оператор, а не программа. Перегораживающее проход поле сменило полярность, позволяя пройти. – Требуется помощь?

– Расположение стандартное? Паучатник на месте?

– На месте, – отозвался оператор. – Входите.

Ранг позволял Алексу воспользоваться транспортными платформами. Но идти было недалеко, и он предпочел отправиться в паучатник пешком. В этом было легкое труднообъяснимое наслаждение – идти широкими, полупустыми туннелями, тянущимися под зданиями космопорта, кивать встречным – здесь уже не было пассажиров, торговцев, мелких жуликов, всей той публики, что нарастает со временем на транспортных артериях неизбежно, как холестериновые бляшки в сосудах. Здесь оставались только свои. Пусть даже не спецы.

Паучатником в портах называли отдел бухгалтерии и оформления контрактов. Отчасти по внешним признакам, а отчасти из вечного антагонизма между техническими и бумажными работниками. Пауки, впрочем, платили сторицей – порой Алексу казалось, что, будь их воля, ни один корабль никогда не покинул бы порта.

– По делу? – полюбопытствовал охранник у входа в царство бюрократии. Вопрос был почти ритуальным, Алекс слышал его в десятках портов.

– Нет, из мазохизма, – привычно ответил Алекс.

Охранник ухмыльнулся, тронул сенсор, открывая проход. Пожалуй, он бы с удовольствием запустил в паучатник террориста, но почему-то никогда не находилось террористов, покушающихся на жизнь бухгалтеров.

Алекс вошел.

В паучатнике властвовала тишина. Во многих отделах любили работать под музыку. Здесь – нет. Впрочем, может быть, музыка и играла, но для каждого – своя.

Два десятка пауков, точнее – паучих, синхронно повернулись и посмотрели на Алекса. Почти все пользовались простейшими нервными шунтами, и из височных костей тянулись к персоналкам тонкие пучки проводов. Лишь несколько бухгалтеров-спецов были лишены этого украшения. Нейротерминалы были встроены в подголовники их кресел.

– Добрый день, – сказал Алекс.

Он всегда чувствовал себя неуютно, входя в паучатник. Не страх, не неприязнь... скорее томительное стыдливое ощущение, что он пришел с каким-то мелким, никому не нужным делом и отвлекает людей, занятых действительно важными проблемами.

Паучихи молчали, занятые своим беззвучным сетевым диалогом. Лишь у одной девчонки, самой молоденькой и, кстати, самой симпатичной, шевелились губы – она еще не избавилась от этой ненужной привычки. Алекс не собирался пользоваться ее слабостью, но артикуляция была уж слишком сильной, и он прочитал по губам «...хорошенький... можно я... ну девочки...».

Только не это! Симпатия девушки выразится лишь в том, что она провозится с ним в три раза дольше, чем нужно.

Одна из бухгалтерш-спец сделала жест, подзывая Алекса к себе. Это хорошо. Можно надеяться, что погруженная в виртуальный мир специалистка не станет слишком тянуть.

– Имя? – спросила паучиха. Глаза ее были закрыты, она даже не постаралась соблюсти вежливость и лично посмотреть на пилота. Ей хватало информации от компьютерных детекторов... хорошо еще, что говорит не через динамик и синтезированным голосом. Бледное, синеватое лицо, тонкие губы, набухшие веки в красных прожилках, гладко зачесанные короткие волосы.

– Алекс Романов, спец, мастер-пилот... – начал он. Паучиха опять взмахнула рукой, показывая, что информации достаточно.

Алекс замолчал. Стоял, глядя на персоналку перед паучихой. Экран был отключен, и, чем сейчас занята женщина, он не знал. Может быть, готовит чей-то контракт. Может быть, ищет способы уклониться от налогов. Может быть, сортирует товары на складах. А может быть, занимается любовью с партнером на другом конце галактики. Маленькая машина с гордой наклейкой «Gel-Crystal inside» позволяет ей очень многое. Не важно, что гель-кристалл размером со спичечную головку...

– Корабль «Зеркало», компания «Небо», – сказала паучиха. И открыла глаза.

Это было так неожиданно, что Алекс вздрогнул.

Словно могучий волшебник прошептал заклинание, превращая живой придаток машины в человека.

Паучиха оказалась довольно молодой. Даже симпатичной. Ей бы причесаться, сходить к косметологу и сменить рабочий комбинезон на платье...

– Ваши документы, – сказала она.

Алекс не понял. Даже потянулся к карману, где лежала копия контракта. Но паучиха уже протягивала ему выскочившую из принтера доверенность на корабль.

– Зафиксируйте личность.

Алекс лизнул палец, коснулся печати. По тонкому пластиковому листу пробежали радужные волны.

– Удачи, – произнесла паучиха.

– Все? – ничего не понимая, уточнил Алекс.

– Да. Все. А в чем, собственно, дело?

– Ну...

– Корабль к старту готов. Документы вы получили. Я могу чем-то еще вам помочь?

Сказать было нечего. Паучихи и впрямь выполнили свою работу. Именно так, как должны были выполнить... в идеале. Вот только почему обошлось без долгого копания в биографии Алекса, вопросов «Вы действительно страдали энурезом в возрасте пяти лет? С чем была связана ваша глубокая эмоциональная привязанность к парализованной бабушке? А много вы выпили, когда вас избили в баре на Засаде?»

– Спасибо, – сказал Алекс. – Извините...

– Да?

– Нет... ничего.

Он повернулся и пошел к двери, чувствуя спиной взгляды всех паучих.

Да в чем же дело?

У них сегодня день культурного обслуживания?

Идет проверка, и за происходящим в паучатнике наблюдают инспекторы?

Лицо Алекса напомнило паучихе ее школьную любовь?

Слишком хорошо – это тоже плохо.

Охранник посмотрел на выходящего Алекса с удивлением. Спросил:

– Совсем погано?

– Да... видимо.

– Рано утром одного спеца... тоже. Едва зашел – выскочил весь красный, руки трясутся. У него оказались неполные данные о родственниках по материнской линии. Велели собирать. Дня на три беготни, говорит. Никогда и никого эти родственники не интересовали, а тут потребовалось. Для льготного страхования, представляешь? Для его же пользы. А корабль, куда он нанялся, уходит сегодня вечером.

Охранник рассмеялся, беззлобно, даже с сочувствием. Ему и самому приходилось обращаться к паучихам.

– Страхование – вещь полезная, – сказал Алекс. Кивнул охраннику и пошел к транспортной платформе, оставленной кем-то неподалеку. Может быть, ее забыл тот самый бедолага-спец, воюющий сейчас с паучихами из имперских архивов.

Судя по документам, корабль ждал не в ангаре, а прямо на взлетном поле. Видимо, недавно на планете. Алекс стоял на платформе, придерживаясь за поручни – вбитая специализацией привычка иметь три точки фиксации в движущемся объекте. Платформа выплыла на магистральный туннель и поперла под взлетным полем с полной скоростью.

Алекс вдруг понял, что насторожило его с самого начала.

Право на полный подбор экипажа!

Так не делается. Точнее, делается, но лишь когда корабль построен на этой планете. А «Зеркало» – земной сборки.

Кто-то должен был управлять кораблем на пути к Ртутному Донцу. Пусть не полный экипаж, пусть минимальная группа – пилот, навигатор и энергетик. Но нанимать людей на разовый рейс в одну сторону, чтобы начинать поиск экипажа на другой планете, – абсурд. Земля предоставляла куда больший выбор специалистов, чем колониальный мир, пусть даже развитый. Тем более существовала полезная традиция оставлять в экипаже хотя бы одного человека

из прежнего состава. У каждого корабля своя неповторимая индивидуальность, и опытный человек порой может сохранить не только время и деньги, но и саму жизнь корабля.

Странно...

Платформа затормозила, стабилизировалась под выпускной шахтой и начала медленно подниматься. Двадцать метров вверх, сквозь скальный грунт и бетонную подушку взлетного поля... Алекс посмотрел на Беса – тот казался задумчивым и настороженным.

Все верно. Неправильность есть, но какая... Как в старом анекдоте о спецах, уже лет сто, наверное, блуждающем среди натуралов, – «чую подвох, а вот в чем он?».

– Но мы ведь не могли позволить девочке умереть? – спросил Алекс Беса.

Судя по лицу чертенка – очень даже могли.

В чем же подвох?

Экспериментальная модель корабля? Что-то опасное и непроверенное, куда нужно заманить экипаж и пронаблюдать за дальнейшим? Вряд ли. Судя по документам, корабль очень хороший, но без неожиданных модернизаций. Все оборудование типовое.

Опасный рейс? Тоже чушь. На опасные рейсы заманивают деньгами, страховками, льготами. Чем угодно, но не обманом. Себе дороже выйдет для любой компании. Всегда найдутся желающие сунуть голову в львиную пасть, зачем принуждать тех, кто не хочет.

Работа на грани закона? Те же возражения.

Дело не в корабле. Дело всегда в людях, а не в железках.

Алекс покачал головой и постарался выбросить сомнения из головы. Не насовсем... так, отложить их в дальний уголок памяти.

Платформа выплыла сквозь разошедшуюся диафрагму люка, качнулась, меняя плоскость опоры, и поплыла над взлетным полем. Через пару секунд Алекс действительно забыл о своих подозрениях.

Он был дома...

Космопорт, пусть и утратив былое значение, жил полноценной жизнью. Сиделись одновременно два челнока, с расстояния Алекс определил их как старенькие «Манты» не то третьей, не то четвертой модели. Определил даже не по силуэту – по рисунку пилотирования и посадочным скоростям. В центре поля стоял, растопырив три кольца опор, тяжелый грузовой «Кашалот» предельного, пожалуй, для космодрома тоннажа. От него ползла череда автопогрузчиков, сжимающих в манипуляторах контейнеры и цистерны. Трудились над изящной прогулочной «Выдрой» маленькие роботы, ползали по плоскостям, проверяя и залечивая корпус.

Только здесь и стоило жить. Здесь и в полете.

Алекс улыбался.

Ему больше не портило настроение тусклое серое небо, где смешались в вонючем коктейле смог и дождевые тучи. Над этим небом есть другое, чистое и бесконечное, созданное для свободы, для полета... для него лично.

А потом платформа обогнула «Выдру», и Алекс увидел свой корабль.

«Зеркало» стояло в стартовой позиции. Будто исполин-дискбол выпустил из рук снаряд и тот повис над землей, не спеша взмыть в небо. Тридцатиметрового диаметра диск из биокерамики, шесть опор, три маршевых двигателя... немного непривычная компоновка, «букетом» в кормовой части... впрочем, это может быть удобно... выпуклость пилотажной рубки чуть больше стандартной для такого корпуса... видимо, возможно парное пилотирование...

Алекс сглотнул вставший в горле ком.

«Зеркало» было ослепительно прекрасным. Совершенным – в своей увеличенной рубке, нестандартной компоновке двигателей, нежно-зеленой броне...

Это была любовь с первого взгляда. По одной лишь внешности.

Так человек, способный любить, вздрагивает при взгляде на лицо в толпе. Вокруг еще есть десятки, сотни, тысячи лиц – но они уже не нужны.

Иногда Алекс жалел о том, что не умеет любить людей. Но лишь до тех пор, пока не влюблялся в корабль.

– Здравствуй... – прошептал он, глядя на «Зеркало».

Платформа затормозила, Алекс спрыгнул на бетон и подошел к кораблю. Протянул руку, осторожно кончиками пальцев касаясь брони. Биокерамика была теплой и упругой. Живой.

– Ты знаешь, кто я... – негромко сказал Алекс. – Да? Ты меня видишь... Привет...

Он пошел вокруг корабля, касаясь брони рукой – пока хватало роста. Корабль молчал, корабль изучал его в ответ.

– Я тебе нравлюсь?

Сейчас он был рад, что на корабле никого нет. Это был только его миг. Нет, общий для него и корабля.

– Принять капитана.

Идентификатор под ключицей остался неподвижным. Запрос наверняка был. Но не по полной программе. И это было хорошо. Это было ответным знаком. Доверием.

Над головой открылся люк, выскользнула лесенка, оканчивающаяся маленькой платформой. Алекс шагнул на нее и позволил кораблю поднять себя внутрь.

Шлюзовая оказалась стандартной. Три скоростных скафандровых блока, скутер в креплениях. Алекс подождал, пока обшивка под его ногами срослась, сошел с платформы, ставшей частью пола, и вышел в центральный коридор корабля.

Пока все было привычно. Корпус диктовал компоновку помещений, единственное отличие – вместо убранных в корму боковых двигателей размещались боевые посты. Инспекцию следовало начинать именно с них, затем – вскрыть пакет с инструкциями в капитанской каюте и лишь потом отправиться в главную рубку. Но сейчас Алексу было плевать на положенный распорядок. Он пошел к рубке. Корабль погнал перед ним по коридору неяркую волну света, скорее принаравливаясь к его скорости, чем задавая темп.

– Капитанский доступ, – остановившись перед люком, сказал Алекс.

На этот раз идентификатор запульсировал. Корабль не мог предоставить ему всей свободы управления, не удостоверившись в личности.

Потом люк втянулся в стену.

Рубка и впрямь была парная. Алекс постоял, оценивая небольшое овальное помещение: стенные экраны светились матовой белизной, ложементы были раскрыты, резервные пульта запитаны.

Нормально. Он боялся, что парная рубка на столь маленьком корабле окажется неудобной. Но пока такого ощущения не возникало. Капитанский ложемент был немного вынесен вперед – уместный символ. Может быть, вдвоем будет даже хорошо.

Хотя многое зависит от того, кто именно станет вторым пилотом...

Алекс прошел к ложементу. Лег, вручную зафиксировал крепления.

Корабль терпеливо ждал.

Алекс прикрыл глаза.

Страх? Нет... не страх. Скорее волнение, как у подростка перед первым поцелуем, уже неминуемым, когда губы тянутся друг к другу... но все еще остается неизведанным, чудесным, не случавшимся ни с кем и никогда.

Алекс был мастер-пилотом на кораблях куда больших, чем «Зеркало». Но капитанский доступ получал лишь на старой тренировочной «Цапле», одном из трех кораблей в пилотной школе.

Если продолжать аналогию – «Цапля» была шлюхой. Опытной, умелой, доброжелательной проституткой, каждый день обучающей очередного неопытного парнишку-курсанта искусству летать. Алекс вспоминал свой первый корабль, вспоминал с теплом и благодарностью, но сейчас все было по-другому.

Или – должно было стать...

– Контакт... – сказал он, откидываясь в ложементе.

И почувствовал, как теплая волна родилась в затылке и, разгораясь, понеслась по телу. Перестроенные нейроны затылочных долей мозга вошли в резонанс с нейротерминалом.

Мир исчез. Умер в короткой ослепительной вспышке – и родился вновь.

Алекс стал кораблем.

Он потянулся – всем своим дисковидным телом, качнулся на опорах. Почувствовал бие-ние глюонового реактора корабля. Включил сенсоры и вобрал в себя пространство над космопортом. Только что приземлившиеся «Манты», входящий в стратосферу «Кайман», острые иглы флаеров, порхающих над городом, за пределами запретной зоны...

Но это еще не было полным слиянием.

Где-то рядом, уже почти переплетаясь с его сознанием, жил корабль. Уступивший ему свое тело, ставший продолжением разума и наблюдающий со стороны. Алекс отключил сенсоры и остался в темноте и тишине внутреннего пространства.

Один на один с радужной дымкой.

– Коснись меня...

Цветной туман, подсвеченные солнцем облака, роящиеся искры...

– Будь мной...

Радуга вздрогнула и рассыпалась огненным дождем.

Они слились.

Космические корабли не являются полноценной личностью. Так же как суперкомпьютеры, автоматические заводы, океанские корабли и прочие полуживые создания. Людям не нужны конкуренты. Некоторые считают, что искусственный разум кораблей остановлен на уровне собаки, другие приводят в пример крыс. Впрочем, неизвестно, что является большим комплиментом.

Вот только сейчас это было не важно.

Теперь они стали единым целым – человек, со всей его памятью, опытом, навыками, и корабль – набор специализированных программ, соединенных общей морально-этической матрицей. Корабль мог грустить, мог радоваться, ему были знакомы страх и неприязнь, симпатия и отвращение. Да... да. Наверное, на уровне собаки или крысы, свиньи или кошки. Те, кто никогда не испытывал слияния, могли соревноваться в остроумии до бесконечности.

Алекс знал простую тайну. У любого корабля была душа.

И лишь тот, кто становился капитаном, постигал эту душу до конца.

– Я не обижу тебя...

Корабль не мог ответить. Словами отвечали лишь сервисные программы: искусные, натренированные, способные поддержать беседу – и абсолютно безмозглые.

Для того, что составляло душу корабля, было доступно лишь бессловесное общение в краткий миг единения с капитаном.

– Я люблю тебя...

Корабль не имел ни внешности, ни возраста, ни пола, ни голоса.

Только радужная паутина эмоций, навечно застывшая на грани осознания себя.

Любить корабль было смешнее, чем заниматься сексом с животным. Официально никто и никогда не употреблял слово «любовь», описывая отношения капитана и корабля. Говорилось «эмпатия», говорилось «эмоциональный контакт».

Неофициальную правду знали все.

В этом была и притягательная сила, и едкая горечь капитанской должности. Покинуть свой корабль – все равно что бросить любимую. Да, отношения могли ослабнуть, могла стертись их яркость. Капитан мог пожелать покинуть корабль, так же, как корабль мог не при-

нять капитана. Были такие, кто менял корабли с легкостью Дон Жуана. Были и корабли, не принимающие никого, не идущие на «эмоциональный контакт».

И все-таки быть капитаном – это значило слишком многое. Рано или поздно понимание настигало любого, кто командовал «контакт», откинувшись в капитанском ложементе.

Сейчас этот миг пришел для Алекса.

Радужная паутина коснулась его – робко, трепетно, осторожно...

Алекс ждал, столь же бесплотный сейчас, распростертый в черной пустоте, открытый настежь.

– Полюби меня...

И теплая радуга омыла его.

Глава 3

Ноги слегка дрожали. Алекс поднялся с ложементы, мягко подтолкнувшего его в спину – так, как нравилось Алексу.

Все изменилось.

Мир обрел смысл. Единственный и неповторимый.

Интересно, неужели те, кто любит людей, способны испытывать что-то подобное?

Вряд ли.

– Спасибо... – прошептал он.

Теперь это был его корабль. Он мог взлететь с другим пилотом, мог подчиниться командам диспетчера космопорта или военного патруля.

Но лишь если Алекс не прикажет обратного.

Хотя слово «приказ» тут не годилось. Не приказ и не просьба. Желание, быть может...

– Я вернусь завтра утром, – сказал Алекс. – Приготовь каюту. И еще две... нет, три, на всякий случай.

– Каюты расконсервированы, – сообщила сервисная служба.

– Хорошо. До завтра.

На этот раз ответа не было. Слова Алекса адресовались тому, что не умело говорить.

– Суси, господин?

Официантка остановилась возле Алекса. Прозрачная тележка-аквариум парила у ее плеча. Алекс чуть приподнялся, разглядывая емкость.

– Да.

– Традиционный или поджаренный?

– Жареный. – Алекс не стал уточнять, что это не любовь к местной кулинарии, а вколотая в пилотской школе привычка подвергать хотя бы минимальной термальной обработке любой неземной белок. – Большую порцию... из правого нижнего угла, прямо со дна.

– У дна криль уже уснул, – смутилась девушка. Подняла стеклянный черпак-сито. Тележка услужливо опустилась, выдвинула панели с формами, прессом, печью. – Я могу сделать несколько проходов по поверхности...

– Нет, нет. Именно со дна, – уточнил Алекс, глядя на мерцающие радужные точки в аквариуме. – Когда криль слегка засыпает, вкус становится острее. И двойные специи.

– Хорошо. – Официантке явно понравился заказ. Алекс смотрел, как она щедро вычерпывает со дна аквариума полуживой криль, ловко вываливает в форму, замешивает с семью положенными специями, сдавливая массу маленьким ручным прессом, ловко нарезает на полоски и кидает на раскаленную каменную пластину.

– Только до конца не прожаривайте, – торопливо уточнил Алекс. – Чуть-чуть, чтобы начал похрустывать хитин.

Через минуту на его тарелке уже лежала порция суси. Изумительного, свежего, исходящего горячим ароматным паром. Как ни поразительно, но океаны на Ртутном Донце оставались практически незагрязненными, и морская пища была натуральной. Алекс не спорил с тем, что синтетический белок куда дешевле, полезнее и безопаснее природного. Но одной из традиций пилотов было подчеркнутое предпочтение натуральной пище.

К тому же она действительно нравилась Алексу. Он был глубоко благодарен родителям, что те не включили в параметры его специализации модернизированную пищеварительную систему. Конечно, лишнее место, лишнее время на питание, лишние потери энергии на переваривание пищи... но всю жизнь есть белково-протеиновые продукты по «Мак-Робинсам»?

Нет уж...

Он полил суси светлым соевым соусом, попробовал... Изумительно. Магуро-суси еще не подали, но японский ресторанчик космопорта оказался столь недурен, что Алекс ожидал от блюда только хорошего. Конечно, судя по цене, магуро-суси был из клонированного тунцового мяса, растущего в баке где-нибудь на кухне. Но все-таки не чистые протеины с химическими ароматизаторами и вкусовыми добавками...

Когда официант сменил блюда, Алекс был уже вполне сыт и доволен жизнью. Он попросил у официанта телефон, чем вызвал удивленный взгляд: чересчур разнообразную одежду Алекс уже сменил на стандартную форму капитана с нашивками мастер-пилота, но взять с корабля коммуникатор попросту забыл. Все-таки слияние даром не проходит... возбуждение, причудливо перемешанное с расслабленностью, еще не отпустило его.

Он набрал номер гостиничного экрана. Ким ответила почти сразу. Экранчик чужого телефона был слишком мелким, да и гостиничная техника не отличалась совершенством. Но все-таки можно было разглядеть, что лицо девочки спокойно.

– Все в порядке?

– Угу. – Она шмыгнула носом. – Я тренируюсь.

– Что?

– Мышцы разрабатываю. То, что я не устаю, – нормально?

– Пожалуй, да. Только не переусердствуй.

Несколько секунд они молчали.

– Ты придешь? – спросила девочка наконец.

– Да. А ты дождешься?

Улыбка была едва заметной, а может быть, просто почудилась Алексу.

– Посмотрим. Наверное.

– Отдохни, не загоняй себя, – сказал Алекс. Отключил связь, протянул телефон отошедшему было из деликатности официанту.

Жалко, что длинные рукава формы не позволяют увидеть Беса. Прорезать, что ли, окошечко в темно-синей ткани? И заклеить прозрачным пластиком... Вот смеху будет у экипажа... когда у него появится экипаж.

Собственно говоря, экипаж и был той причиной, по которой Алекс пока оставался на территории космопорта. В тех нечастых случаях, когда подбор экипажа поручали капитану, имелось два пути. Первый – официально рекомендованный поиск в компьютерной сети. Пользовались им нечасто. Второй – «методом личного собеседования» – предпочитал каждый здравомыслящий человек. Вот как раз для этой цели и использовались портовые питейные заведения.

Интересно, сколько человек уже поглядывают на Алекса с любопытством и нетерпением, ожидая, когда же капитан закончит обед?

Магуро-суси был хорош, но Алекс доел его уже через силу. Заказал саке и дорогую земную сигару. Саке он любил, а сигары – нет. Но это был понятный каждому астронавту символ, и о сигаретах пришлось на время забыть.

Официант стоял рядом, с подносом, на котором стояли коробка сигар, гильотинка и массивная хрустальная зажигалка. Алекс не торопясь раскурил сигару.

– Удачного найма, сэр, – сказал официант, отходя.

Разумеется. Поработав в порту хотя бы неделю, каждый знает, когда капитаны раскуривают сигары...

– Позвольте?

Алекс оценивающе посмотрел на первого претендента.

Молодой или недавно омоложенный мужчина. Темноволосый, с сильной долей азиатской крови. Одет в гражданское. Почти неуловимые следы спецификации – слишком суженные в

ресторанном полумраке зрачки, высокий лоб, неестественно прямая, будто у вымуштрованного солдата, спина.

Пилот. Вернее – мастер-пилот.

– Да. – Алекс слегка подвинул к пилоту бутылочку саке, согреваемую в сосуде с горячей водой. Это тоже был знак.

Они молча выпили по чашечке, совершенно откровенно приглядываясь друг к другу. Сейчас все могло кончиться тем, что пилот встанет, поблагодарит за выпивку и уйдет. Или же Алекс отложит сигару и отвернется. Значит – нет. Значит – не сошлись.

– Вы ведь тоже пилот, – нарушил молчание мужчина.

– Да.

– Мастер-пилот, – он размышлял вслух, – и ищите еще одного мастер-пилота? У вас, должно быть, крупный корабль.

– Это смущает?

– Нет.

– Хорошо. Но у меня маленький многоцелевой корабль.

Пилот поморщился. С легкой надеждой спросил:

– Много обязанностей вне пилотирования?

– Не думаю.

– Тогда вам нужен просто пилот, – твердо сказал мужчина. – Два мастера в спарке, на маленьком корабле... несерьезно.

– Согласен, но у меня приказ от владельца корабля. Второй ложемент должен занимать мастер.

В глазах пилота мелькнула искорка любопытства. Секунду он колебался, потом покачал головой:

– Нет... не стоит. Удачи вам, капитан.

– Условия не интересуют? – спросил Алекс. Незнакомец ему понравился, и он не выглядел слишком уж преуспевающим.

– Спасибо, не стоит. – Пилот сухо улыбнулся. – Не хочу искуса.

Он резко кивнул и поднялся. Вот так. И все видят, что это он отказался от предложения, а не капитан отверг кандидатуру.

Алекс затянулся густым тяжелым дымом. Нет, все-таки сигары – не для него...

Реакцию пилота он понимал прекрасно. Мастеру пойти работать в спарку – на это согласишься лишь от полной безысходности. Лучше уж единолично таскать по планетарным орбитам неповоротливый «Хомяк» с грузом стальных чушек, чем подыгрывать чужим решениям на самых интересных маршрутах.

Но условия в инструкции формулировались жестко.

Экипаж из шести человек.

Капитан с подготовкой мастер-пилота. Еще один мастер-пилот. Навигатор. Энергетик. Боец. Врач.

Не было ни карго-мастера, ни торгового специалиста. Точнее – должности эти присутствовали, но лишь «по возможности», в случае если они являлись чьей-то второй специальностью. Значит, их нанимали не в качестве торговцев. Не было лингвистов и экзопсихологов – значит контакты с Чужими не предвидятся и работать придется в пределах Империи Людей.

Но при этом...

Наличие двух мастер-пилотов могло означать лишь протяженные и сложные трассы.

Боец в экипаже – высадки на беспокойных планетах.

Врач – длительные рейсы.

Все это очень тяжело стыковалось между собой. Еще труднее было понять, почему при столь странном составе экипажа, явно означавшем нестандартные рейсы, Алексу так легко доверили командование кораблем и дали карт-бланш на подбор экипажа.

– Вы позволите?

Алекс поднял глаза.

Очень серьезное и умное лицо. Светловолосый европеоид, редко встретишь такой чистый генотип. Судя по нашивкам и признакам специализации – энергетик. Звезда Безысходной Доблести на отвороте пиджака – отставной военный. Кстати, уж какую награду даром не дают, так именно Безысходную Звезду... По всем параметрам подходит, вот только...

Вот только почему-то он ему не нравится.

Они несколько секунд разглядывали друг друга.

– Пожалуй, вы правы, капитан, – вежливо сказал его несостоявшийся энергетик. – Мы не сработаемся. Жалко, я давно на мели.

– Выпьете?

– Нет, спасибо. Вы явно приготовились сидеть долго, не отвлекайтесь по пустякам.

Он отошел. Алекс мрачно проводил его взглядом.

Профессионал. Хороший спец, хороший человек. Но они бы не сработались. Когда полжизни проводишь в наглухо закупоренной жестянке, это начинаешь видеть сразу.

Наем начинался плохо. Кстати, кое-где считается, что если три первых кандидата отвергнуты капитаном с ходу, то лучше к нему и не соваться – удачи не будет. Астронавты – самые суеверные люди в мире.

– Капитан?

Женщина даже не выдержала положенной паузы. Оперлась руками о стол, склонилась к Алексу.

– Ищете команду?

Немолодая. Крупная, почти с Алекса ростом. Чернокожая. Красивая, но неестественной красотой, работой визажистов, придающих приятные черты измененному телу. Лицо какой-то геометрической, ромбовидной формы. Глаза слишком большие, почти как у Ким. Очень странные кисти рук... очень странные ногти... И значок карго-мастера на блузке.

Видимо, на его лице что-то мелькнуло.

– Карго не нужен? – прямо спросила женщина.

– Нет, к сожалению. У меня маленький корабль. Не грузовой.

– Прошу прощения, капитан...

– Подождите!

– Да? – Женщина слегка качнула бровями.

– Ваша спецификация – не карго-мастер.

– Вы правы. Но врач на маленьком корабле не нужен тем более.

– Нужен.

– Как любопытно... – Поколебавшись, она присела. – Налъете чего-нибудь?

– Да, конечно...

Алекс торопливо наполнил стопку, подал женщине. Они чокнулись.

– Что у вас за корабль?

– «Зеркало». Внекатегорийная машина земной сборки. По большинству параметров – модернизированная дисковая яхта среднего тоннажа. Экипаж из шести человек, включая меня.

Алекс поймал себя на том, что уговаривает женщину. Чуть ли не заискивает перед ней.

– Любопытно, – снова произнесла женщина. – Там хоть медотсек есть? Или «совмещено с камбузом»?

– Есть, полного профиля. Видимо, снят с эсминца.

– Дьявол... – Она чуть принужденно рассмеялась. – Видимо, снят? А вы давно капитаном?

– Пару часов.

– Понятно. А кто в экипаже?

– Я.

– Все понятно.

Она вертела в руках стопочку с sake, все еще не спеша выпить.

– Условия?

– Профсоюзный минимум для внекатегорийных кораблей плюс двадцатипроцентная надбавка. Контракт на два года.

– А куда собираемся летать?

– Не знаю.

– А цели рейсов?

– Тоже не в курсе.

– Великолепно, капитан...

– Понимаю. Но я ведь принял это предложение.

– Может быть, у вас просто не было иного выхода?

Она угадала, и Алекс счел за благо смолчать.

– Ладно... допустим. Я Джанет Руэло, сорок шесть лет, врач-спец, карго-мастер... – Она на миг запнулась, но все же продолжила: – Наводчик-спец, лингвист-спец, младший пилот-спец, готова рассмотреть ваше предложение.

Алекс отставил рюмку. Посмотрел на Руэло – та была абсолютно серьезна.

– Четыре спецификации?

– Пять. Но пятая никак не относится к делу.

– Я хотел бы знать и ее.

В темных глазах женщины появилась злая ирония.

– Палач-спец. Официально это называется по-другому, но суть такова. В общем-то это моя основная специализация.

– Вы с Эбена! – воскликнул Алекс, прозревая. – Черт...

– Да. – Женщина выдержала его взгляд. – Эбен, карантинная планета. Я там родилась. Служила в Корпусе Взаимопонимания до тридцати лет. Была взята в плен во время Битвы Покрывала. Пять лет психотерапии. Временное гражданство Империи с правом работать и размножаться.

Теперь Алекс понимал, почему женщина, имеющая пять... ну ладно, пусть четыре специализации, носит на груди значок карго-мастера, профессии, которой она обучалась сама.

– Ваше решение? – сухо спросила женщина.

– Можно неофициальный вопрос?

– Да... наверное. – Она вдруг смутилась.

– Вы участвовали в экспертизах по специализации?

Джанет пожала плечами:

– Я не эксперт, конечно, но доводилось. Обычная процедура в нашем флоте – определить, какая специализация удалась в максимальной степени и нет ли физиологических конфликтов в организме. К примеру, совмещать работу врача и следователя невозможно по психологическим причинам, а быть сразу навигатором и пилотом – по физиологии. Это общеизвестно, но есть масса более сложных ситуаций.

Джанет, похоже, была вполне настроена на беседу. Алекс кивнул, удовлетворенный ответом, и спросил:

– А почему вы так быстро проиграли войну? Эбен десять лет назад мог выставить флот почти равный имперскому! И плюс подготовка... по три специализации минимум, да? Что случилось?

– Вы действительно не понимаете? – В голосе Джанет мелькнуло удивление. – Нас же не готовили воевать с людьми! Наоборот... Мы знали, что человеческая раса должна властвовать над Вселенной. Еще полгода, год, и нас никто бы не смог остановить, поверьте. Господь разгневанный... да крейсера класса «Литургия» способны были срывать фотосферу со звезд, превращать их в суб-Новые! Очистительное пламя, в котором сгорели бы все планеты Чужих.

– Хорошо, что их не успели построить, – наблюдая за реакцией женщины, сказал Алекс.

– Почему не успели? Два крейсера были готовы. Прорваться в чужие зоны они бы не смогли, а вот нанести удар по Солнцу или Сириусу... запросто! – Она невесело рассмеялась. – Дорогой капитан, мы не могли воевать с людьми! Недочет нашей же собственной пропаганды. Мы уговаривали, молили... объясняли... захватывали в плен и промывали мозги... но убивать таких же, как мы...

– Империя тоже понесла потери.

– Большею частью случайно. Иногда в результате нервных срывов. Офицеры открывали огонь на поражение, а потом пускали себе луч в висок. Едва до них доходило, что они убили братьев по крови... У вас таких проблем не было.

– Последний вопрос, Джанет. Извините, но я должен его задать.

– Спрашивайте. Я понимаю.

– Как вы сейчас относитесь к идеологии Эбена? Поймите, иметь в экипаже человека, рожденного, чтобы убивать любой нечеловеческий разум...

– Я по-прежнему придерживаюсь той точки зрения, что человеческая раса является самой совершенной во Вселенной. Избранной Создателем.

Джанет помолчала, потом очень сухо добавила:

– Вы же понимаете, Алекс, что последствия специализации неустраимы. Никак.

– А как вы строите свою жизнь, исходя из этой уверенности? – Алекс огляделся, пытаясь найти в ресторане хоть одного Чужого. Ртутное Донце располагалось далеко от фронта, но торговые корабли Чужих сюда залетали.

Нет, ни одного, как на грех. Ни громоздких неповоротливых Фэнхуан, укутанных в складки псевдокрыльев, ни мелких и юрких Брауни, ни Цыгу... впрочем, этим ароматным созданиям никто бы не позволил войти в ресторан.

– Теперь я считаю, – очень твердо сказала Джанет, – что метод ксеноцида, одобренный нашей правящей церковью, был роковой ошибкой. Он неприемлем по морально-этическим соображениям, потому что, убивая Чужих без целей самообороны, мы опускаемся до их уровня. Человеческая раса должна завоевать Галактику мирным путем, совершенствуя технику и биотехнологии, занимая все большее пространство, творя красоту и энергично размножаясь. Именно этот путь приведет к тому, что неполноценные расы деградируют и вымрут, освободив Вселенную для людей. Я даже склонна считать, что мы обязаны будем сохранить памятники их культуры, создать музеи и мемориалы, по возможности поддерживать остатки биологических видов в резервациях и зоопарках.

– И вы строите свою жизнь, исходя из этого мнения?

– Да, конечно. За десять лет, прошедших с моего освобождения, я родила четырех здоровых и умных детей, специализировав их на полезные обществу мирные профессии.

Она подумала и добавила:

– Условно мирные... Вы можете не волноваться, капитан: увидев Чужих, я не вспомню методы их уничтожения. Без необходимости – не вспомню.

– Хорошо. Если вас устроит контракт и корабль...

Джанет кивнула. На ее лице появилась легкая улыбка.

– Думаю, что устроит. Я предпочла бы работу карго, но врач – это тоже неплохо. Остальные мои специализации куда более неприятны. Вам нужны рекомендации с прежних мест работы?

– Да. Я не сомневаюсь, что ваша подготовка великолепна, но таков порядок.

Алекс отдал ей один из захваченных с корабля бланков контракта, они выпили еще по стопке, скрепляя предварительную договоренность, и Джанет ушла.

Сигара Алекса давно истлела. Впрочем, в любом случае полагалось заказывать другую, что он и сделал.

Врач с Эбена... великолепная шутка судьбы. Но что поделывать, у судьбы все шутки удачные.

Сомнений в профессиональных качествах Джанет у него не было ни малейших. Все ее дополнительные специальности – несомненный плюс, даже если они не потребуются. Агрессию к людям она проявлять практически не способна – тот самый недочет пропаганды Эбена, который и позволил Империи изолировать планету из реального космоса.

Может ли она сорваться на Чужих? Вспомнить профессию палача-спец? Нет, маловероятно. Раз уж военные психологи сочли возможным выпустить пленных в общество, разрешить им контактировать с Чужими, значит, уверены в своей тактике. Остроумный обход проблемы, если разобраться. Они не стали трогать основы основ Эбенского мировоззрения, постулата о том, что Человечество – высшая раса. Лишь убедили в мирном пути достижения вселенского господства. И вот из сотни тысяч озлобленных пленников, которые уже никогда не увидят свой несчастный мир, вышла сотня тысяч высококвалифицированных, фанатично преданных человечеству спецов. Правда, в армию их, кажется, брать запрещено. Там их вера могла найти тысячи новых приверженцев, а психологические блоки – рассыпаться в прах.

– Капитан?

А вот этот парнишка был совсем молодой. Лет двадцать, явно только что из училища.

– Да?

– У вас есть вакансия энергетика-спец?

Какие все сегодня нетерпеливые. Алексу приходилось присутствовать на найме, который вел его прежний капитан, Рихард Клайн, «гремучий Рихард», как его звали за глаза. При найме Рихард становился совсем другим... обстоятельным, неторопливым, даже сонным. И те, кто подходил к его столу, вели себя так же...

– Есть.

– Я вас устраю?

Парень тоже был типичным европеоидом. Разумеется – спец, иных в энергетики не брали. Кожа слишком розовая, румяная, лицо немного инфантильное, глаза блестящие, чуть навывкате, длинные темно-серые волосы лежат на плечах тяжело... словно свинцовая ширма, чью роль они в общем-то и выполняли. Сделать человека практически нечувствительным к радиации – это дается непросто. Достаточно сказать, что яички, к примеру, на время работы приходилось втягивать в тазовую полость.

– Посмотрите контракт, – сказал Алекс, протягивая ему лист. – Глюоновые реакторы – с ними приходилось работать?

– По-настоящему работать – нет, – рассеянно ответил юноша, просматривая договор. – Но знаю хорошо. Последний год мы только их и изучали. Да и сюда шли на корабле с глюоновыми...

– Обучался на Земле?

– Да, конечно... – Парень задумался над каким-то пунктом, и Алекс мимоходом подумал, что тот вовсе не так наивен и прост, как выглядит.

Внезапная мысль заставила его уточнить:

– А как назывался корабль? На котором сюда шли?

– «Неустршимый»... Назвали яхту, будто армейский крейсер... – Парень поднял глаза, кивнул: – Мне нравится ваше предложение. На большие корабли я пока лезть не собираюсь. Если вас устроит энергетик со стажем работы в две недели – бегу собирать вещички.

– Ну... рискнем, сынок, – безуспешно пытаюсь придать голосу так удававшийся Рихарду покровительственный тон, сказал Алекс. – Ведь все мы когда-то начинали, верно?

Разумеется, он не собирался говорить парню, что должность энергетика – единственная, на которую охотнее берут молодых, только что из училища ребят. Вся хитрость в том, что опыт, полученный на одном реакторе, ничуть не помогает в работе на другом. Поведение глюонового потока статистике поддается плохо, и куда лучше взять не отягощенного грузом воспоминаний новичка, чем опытного ветерана.

– Спасибо, – искренне сказал парень. – Вы не пожалеете. Я, Поль Лурье, девятнадцать лет, энергетик-спец, принимаю ваш контракт.

В отличие от предыдущих он даже не стал дожидаться осмотра корабля. Просто взял и подписал документы. Алекс мысленно пообещал, что при первом же случае выколочит для парня премиальные – такие жесты доверия надо поощрять.

– Позвольте?

Новый претендент был одет в клетчатый килт и свободную ярко-голубую рубашу. Крепкий, рыжий, но с раскосыми глазами и безусловно азиатской внешностью. В левом ухе серьга, в правом – клипса-плейер. Длинные волосы собраны в туго заплетенную косу. Щеки раскрашены цветными переливчатыми спиралями: то ли татуировка, то ли обычная аппликация.

Несколько секунд Алекс безуспешно пытался определить его профиль, потом сдался, кивнул. Налил стопку саке.

Этот претендент тоже предпочел взять быка за рога.

– Вам нужен навигатор?

– Да.

– Смотрите.

Откуда-то, чуть ли не из-за пазухи, он извлек стопку рекомендаций. Положил перед Алексом.

Набор был впечатляющим. Пять лет службы в имперских силах, на самых разных кораблях, от эсминцев до линкоров. Корабли менялись подозрительно часто – но в то же время отзывы были самые положительные. «Экономия энергии»... «расчет прыжка в боевых условиях»... «после отказа приборов вручную выполнил ориентацию корабля»... «провел ремонт при полном отсутствии навыков, опираясь исключительно на интуицию».

– Пак Генералов, вы часто меняли место службы... – заметил Алекс. Что-то еще смущало в безупречных документах. Но вот что...

– Характер. – Навигатор оправил килт, заложил ногу за ногу. Пригубил саке. – Такой характер. Но к моей профессиональной деятельности никаких нареканий нет.

– Вы не конфликтны?

– Капитан, это было бы отражено в документах.

– Верно. И все-таки... у меня маленький корабль, вас устроит должность навигатора на яхте?

– Вполне. Люблю маленькие и быстрые корабли.

Генералов достал помятую пачку сигарет, вынул одну, чиркнул о стол, раскурил. Поинтересовался:

– Да, кстати... Я гей. Это вас не смущает?

– А должно? – растерялся Алекс.

– Ну, знаете, бывают самые разнообразные этические основы...

– Я с Земли. Не следует подозревать меня в предрассудках, – сухо ответил Алекс. Что-то все равно смущало, но вот что? – Пожалуй, вам надо осмотреть корабль. Я назначаю всем новичкам встречу на завтрашнее утро.

Навигатор снова кивнул. И небрежно заметил:

– Да, кстати... Я еще и натурал. Это не беда?

Алекс замолчал, ошеломленный.

Конечно, среди астронавтов были не только спецы. Лишь несколько должностей подразумевали неприменимую модификацию тела и сознания: энергетика, тактические командиры, лингвисты, еще какие-то редкие профессии. Все остальное теоретически было открыто для натуралов. Алекс встречал их среди корабельных врачей, среди наводчиков, знал даже одного пилота-натурала, правда, очень пожилого.

Но стать навигатором!

Держать в голове пятимерную картину мира, полторы тысячи основных каналов, как минимум тридцать тысяч известных маршрутов, не менее трехсот тысяч гравитационных пиков... Навигатор – это не только чувство пространства и интуиция, как у пилота. В первую очередь это сознание, работающее будто компьютер, перестроенные нервные связи, усиленная логика и урезанные эмоции...

Вот что его насторожило. Во всех рекомендациях, хвалебных и блистательных, не было слова «спец».

– Вас не стоит подозревать в предрассудках? – вежливо спросил Генералов.

Алекс через силу кивнул:

– Нет... не стоит. Я вас беру... если вас устроит корабль и контракт, разумеется...

Мужчина в килте смотрел на него, теребя клипсу на ухе. То ли искал в эфире какую-то станцию, то ли тоже нервничал.

– Вот и ответ на ваш вопрос, – неожиданно сказал он.

– Какой?

– Почему я часто меняю корабли. Вы попали в обычную ловушку... признаться в своей предубежденности трудно, но работать вместе с натуралом – неприятно. Вы возьмете меня в экипаж, но при первой же возможности постараетесь избавиться. Разумеется, с лучшими рекомендациями, поскольку пилоты не умеют врать.

– Умеем.

– Не смешите меня, капитан... Пока контракт не подписан, я могу пренебречь субординацией. Поэтому замечу... – Генералов пыхнул сигаретой, улыбнулся: – Кстати, это для вас лишний шанс отступить. Кому нужен скандальный навигатор? Так вот, капитан, врать вы не умеете. У всех пилотов удалена способность любить, что весьма полезно. Любящие не склонны рисковать, разве только ради предмета своей любви, а пилот должен быть готов погибнуть в любой момент. Зато в качестве противовеса у вас усилены все остальные моральные качества – честность, доброта, преданность, великодушие. Ручаюсь, вы из тех, что прыгают на дорогу за паршивой собачкой, снимают с деревьев котят, жертвуют в благотворительные фонды и подают каждому нищему. Так что ложь для вас – процесс мучительный, неприятный, почти невозможный. Пилоты предпочитают недоговорить, уклониться от ответа... но не соврать. Я ведь вам неприятен?

– Нет, – выдавил Алекс.

В глазах Генералова мелькнуло уважение.

– Вы сильный человек, капитан. Кто вы по гороскопу?

– Овен.

– А я – Дева. – Генералов улыбнулся. – Знаете, это хорошее сочетание, мы поладим. Давайте ваш контракт!

Алекс молча протянул ему бланк.

Пак пробежал глазами стандартные строчки, пожал плечами, увидев цифры.

– Даже неплохо...

Послюнив палец, он приложил его к точке опознания. Разделил лист на две половины, одну вернул Алексу, другую спрятал в карман на килте.

– Вы приняты в экипаж «Зеркала», – сказал Алекс.

Генералова будто насадили на жесткий стержень – он выпрямился, с лица сползла ухмылка.

– Ваши приказания, капитан.

Только в глазах осталась насмешливая искорка.

– Одеться в стандартную форму навигатора. Стереть с лица узоры. Завтра в девять утра быть у корабля.

– Слушаюсь, капитан.

– Все, вы свободны.

– Разрешите провести вечер в баре, капитан?

– Ваше дело, – подумав, ответил Алекс. – Но утром вы нужны мне абсолютно работоспособным.

– Разумеется. – Пак будто ждал следующих распоряжений.

– Вы давно ищете работу?

– Месяц.

– Хорошо. Есть в зале мастер-пилоты?

Генералов даже не оглянулся:

– Только один, тот, кто подходил к вам первым.

– Хорошо... отдохайте.

Когда навигатор ушел, Алекс залпом выпил sake. Отыскал взглядом своего официанта, чиркнул в воздухе пальцем, будто подписывая счет.

Как его поймал этот хитрый натурал! Никогда не стоит недооценивать генетически измененных, никогда! Вначале этот нелепый вопрос об отношении к геям, будто капитана должно волновать, с кем спят подчиненные. А потом, когда Алекс заявил о своей непредвзятости, – настоящий подвох.

Навигатор-натурал... невозможно!

И как на это отреагируют другие члены экипажа? Джанет, с ее пятью спецификациями, парнишка-энергетик, едва закончивший учебу?

Впрочем, если кто-то из них выразит протест, это будет поводом отказаться... нет, увы. Джанет контракта еще не подписала. Разве что Поль Лурье не захочет доверить свою жизнь натуралу.

На миг у Алекса появилась шальная мысль – попросить или даже приказать энергетика возразить против кандидатуры Генералова. Поль подписал контракт раньше, и с формальной точки зрения Алекс обязан учитывать его мнение.

Мысль возникла – и пропала, оставив неприятный осадок. В одном Генералов, бесспорно, прав – ложь дается пилотам нелегко. Это часть платы за звезды, наряду с неумением любить людей.

Подошел официант, Алекс рассчитался и быстро вышел из зала. Две вакансии оставались незаполненными, но насчет одной у него имелась идея. Безумная, но попробовать стоило.

Портье в гостинице сменился вновь. Этот вообще не обратил на самого Алекса внимания, глянул только на форму капитана и сразу же расплылся в улыбке. Такие важные клиенты редко останавливались в «Хилтоне».

Алекс поднялся к своему номеру, коснулся сенсора звонка. И поймал себя на жгучем любопытстве – дождалась его Ким или предпочла исчезнуть, предварительно очистив счет номера.

За веру в человеческую честность постоянно приходится платить. Но Алекс находил в этом странное, извращенное удовольствие – в тех редких случаях, когда вера оправдывалась.

Ким открыла дверь.

Дождалась!

Алекс покачал головой, хотя видеть неподдельную радость на лице девочки было приятно.

– Ким... я же просил заблокироваться. Ты даже не посмотрела в глазок.

– Откуда ты знаешь?

– Когда камера на двери работает, объектив включает инфракрасную подсветку. Я способен это заметить.

– А... – Ким отступила от двери, давая ему пройти. – Ну... мне незачем было смотреть, я знала, что это ты.

Настала очередь Алекса удивляться.

– Откуда?

– По шагам. У тебя характерные шаги, словно ты пытаешься не отрывать ног от пола.

– Да? Никогда не замечал. – Алекс закрыл дверь. Посмотрел на свои ноги, подумал. – Я что, шаркаю ногами?

– Не шаркаешь, просто стараешься побыстрее поставить обратно. И никогда не отрываешь обе ноги одновременно! – Ким подпрыгнула. – Ты что такой серьезный? Ну извини, что я не посмотрела в глазок, я исправлюсь!

– Если отрываешь обе ноги одновременно, это уже бег... – Алекс закусил губу. Отрываешь обе ноги... а если отрывает обе ноги, да еще и таз в придачу – это производственная травма. – Ким, я понял. На «Хомяках» и прочих системных лихтерах нет искусственной гравитации. Я проходил там практику около полугода. И привык пользоваться липучками. А может быть, это введено в мою спецификацию – не терять точки опоры.

Ким, похоже, успела утомиться.

– Здорово. Очень предусмотрительно, друг-спец. Ты видишь, как я потратила твои деньги?

Она раскинула руки, закружилась, пытаясь при этом удерживать Алекса в поле зрения.

– Вижу, ты переделалась.

Ее затертые джинсы и свитер сменились черным брючным костюмом. В нем Ким напоминала старшеклассницу из престижного колледжа. Впечатление дополняла белая блузка и крошечный черный галстук.

– Мне идет? – спросила Ким.

– Да. Очень хорошо.

Девочка улыбнулась:

– Тебе тоже идет форма.

– Ты даже выглядишь чуть взрослее, – продолжил Алекс. – Можно допустить, что ты прошла метаморфоз полгода назад и успела окончить какие-нибудь ускоренные курсы.

– А что, это важно?

– Наверное. Нам надо поговорить, Ким.

Она сразу посерьезнела. Алекс взял ее за руку, ввел в комнату, усадил в кресло. Сам сел напротив, достал сигареты и закурил.

– Дай мне тоже...

Алекс раскурил и протянул ей еще одну сигарету.

«Нам надо поговорить» – это волшебная фраза. Одна из многих фраз, настраивающих собеседника на серьезный лад. Ее не произносят, чтобы обсудить погоду или планы на выходной день.

Очень поучительно наблюдать за реакцией человека, который ожидает серьезного разговора. Кто-то начинает нервничать, кто-то замыкается в себе, кто-то заранее готовится к отпору.

Ким просто собралась.

– Как тебя зовут? Полностью?

– Ким Охара.

– Сколько тебе лет?

– Четырнадцать. Месяц назад исполнилось.

– Ты с Ртутного Донца?

– Нет. – Ким покачала головой.

– Тогда откуда?

– Я не отвечу.

Алекс вздохнул. Он и не ожидал, что разговор будет легким, но тон девочки начал внушать ему серьезные опасения.

– Ким, мне нужно это знать.

– Зачем?

Девочка перешла в контратаку.

– Ким, у тебя есть на Ртутном Донце родственники или друзья?

Молчание.

– Ты давно здесь находишься?

– Какая тебе разница?

Ну вот. Почему так происходит – пытаешься помочь, а в ответ неблагодарность?

– Хорошо. – Алекс прервал повисшее молчание. – Давай подумаем, зачем мне это нужно.

Вчера я вытащил тебя из сбитого метаморфоза. Верно?

Ким засопела. Пробормотала:

– Я благодарна, друг-спец...

– Благодарить не надо. Я не мог поступить иначе, и моей заслуги в этом нет. Но по той же самой причине, по которой я должен был тебе помочь...

Ким удивленно посмотрела на него.

– По этой же самой причине я не могу просто уйти, оставив тебя наедине с судьбой. Тебе нужна помощь?

Девочка опустила глаза.

– Нужна или нет? – жестко спросил Алекс. – Я нанялся на корабль, понимаешь? Через пару дней я покину Ртутное Донце, возможно – очень надолго. Тебе нужна помощь?

– Да. Нужна.

– Уже хорошо. Нет, ничего хорошего, но по крайней мере честно.

Ким встала, отошла к окну, замерла, глядя в тусклое вечернее небо. Засунула руки в карманы, замерла, маленькая и беспомощная, сразу утратившая веселость и задор.

Алекс закусил губу. Это она произвольно или играет? В любом случае зря. Видимо, девочка не совсем понимает причины расположения к ней.

– Откуда ты, Ким?

– Эдем.

– Как тебя сюда занесло? – Алекс лихорадочно прикидывал маршрут. Черт возьми... противоположный конец человеческого сектора пространства! Не менее семи канальных переходов или прямой прыжок на корабле-курьере. Впрочем, прямых рейсов Эдем – Ртутное Донце не существует. Они никому не нужны. – Ты далеко от дома.

– У меня больше нет дома. Я убежала из семьи.

– Зачем? Впрочем, ладно. Это не важно. Как ты добралась до Ртутного Донца?

– Я способная.

– Верю, Ким, но до метаморфоза ты даже не являлась совершеннолетней. Пересечь две сотни световых лет, без документов, денег...

– Кто тебе сказал, что у меня не было денег?

Алекс кивнул. Она была права.

– Ладно. А почему Ртутное Донце?

– У меня были причины отправиться именно сюда.

– Ким... если ты не доверишься мне, как доверилась вчера, у нас ничего не получится.

– А что должно получиться?

Похоже, она все-таки плакала. Тихонько, беззвучно. Подойти сейчас к ней, обнять, утешить было бы самым естественным порывом. И абсолютно неправильным.

– Ты боец-спец?

– Наверное.

– Ну как это – наверное? Ким, каждый ребенок-спец знает, кем он будет. Если девочка-гейша и мальчик-врач играют в доктора, они играют по-разному. Девочке будет интересна эротическая составляющая, она изучает простейшие сексуальные реакции; мальчик попытается выслушать ее дыхание, пульс, прощупать костную систему и осмотреть железы. Если ребенок-архитектор строит замок из песка, этот замок простоит неделю. Как ты играла в детстве? Любила драться?

– Да.

– И побеждала?

– Конечно.

– А в куклы играла?

– Я и сейчас бы поиграла. – Ким вдруг хихикнула. – Когда удрала из дома, взяла с собой Люситу. Это моя любимая кукла. Только она осталась с сумкой... на одном корабле.

Алекс потер лоб. Ему не приходилось видеть девочек-спец, заточенных под специальность бойца. Играл ли он в куклы? Может быть, но почему-то ему казалось, что будущий спец будет обходиться с куклой как с манекеном для отработки ударов...

– В доктора я тоже играла, – неожиданно сказала Ким. – Только я не знаю, что мне было интереснее... пульс или сексуальные реакции.

– Ким, на мой корабль нужен боец-спец.

Девочка обернулась.

– Правда?

– Да. Но у тебя нет документов. И сертификата бойца тоже нет. Что ты скажешь, если завтра мы пойдем в ближайшую клинику, проведем генный анализ и ты получишь свои документы?

– Нет!

– Почему?

– Меня искать будут, как ты не понимаешь?

– Ты прошла метаморфоз. Теперь ты совершеннолетняя. Даже если по условиям спецификации ты должна выплатить родителям ее стоимость, это не ущемляет твоих прав как личности...

– Нет!

Ее голос взвился до крика. Настаивать дальше смысла не имело.

– Но против работы на корабле ты ничего не имеешь?

– Не имею.

– Я что-нибудь придумаю, Ким. Если ты действительно боец-спец, то все в порядке.

Девочка, насупившись, смотрела на него. Алекс терпеливо ждал.

– Почему ты со мной возишься?

– Что ты знаешь о пилотах-спец? – вопросом ответил Алекс.

– Ничего! Ну, ты сказал, что у вас крепкие кости, хороший глазомер...

– У нас еще повышенное чувство ответственности. Пилот никогда не бросает пассажиров и экипаж.

– Но... я ведь еще не твой экипаж... – Девочка подошла к нему, села у кресла, заглянула в глаза.

– Вчера у меня не было никакого экипажа, Ким. Я помог тебе в моноре, накормил... дальше все покатилося. Так что не стоит благодарить меня за доброту и бескорыстие. Я просто такой. Понимаешь?

– Как странно... – Все ее недавние слезы исчезли бесследно. Ким протянула руку, коснулась лица Алекса. – Так ты... несвободен?

– Почему?

Ее рука гладила его лицо – медленно, изучающе, будто девочка была слепой.

– Ты принужден быть добрым и заботливым...

– Ким, все мы к чему-то принуждены. Солдат обязан отдать жизнь за человечество, врач – спасти жизнь больного, пилот – беречь экипаж. И натуралы ничуть не свободнее нас. Мы меняемся в миг метаморфоза, когда срабатывают нуклеиновые бомбы. Натуралов принуждают всю жизнь: родители, школа, общество.

– Это другое.

– То же самое, Ким. Я знаю, что у меня усилена ответственность за других. Ну и что? Разве это плохо? Вот если бы я был циничной равнодушной сволочью... как следователь-спец, например... тогда стоило бы переживать.

– Ты бы не переживал. Ты бы считал, что это правильно.

– Ким...

Алекс мягко поднял ее с пола, посадил к себе на колени.

– Ты в чем-то права, конечно. Но меня ничуть не смущают детали моей специализации. Это как сетовать на красоту, здоровье, ум. Если бы все проходили специализацию хотя бы по ряду моральных качеств, жизнь стала бы лучше.

Ким кивнула. И все-таки ей явно было не по себе. Неужели из-за того, что за поведением Алекса стояли материальные основы?

– Ким... не комплексуй. Я рад, что смог тебе помочь. Я сделал бы это без всякой специализации. Ты очень хорошая девочка.

– Я тебе нравлюсь? – Она посмотрела ему в глаза.

– Да.

– Алекс... – Ее пальцы скользнули в волосы пилота. – Пойми меня правильно, ладно?

– Я постараюсь.

– Ты можешь подумать, что я тебя жалею. Это не так. Или что я плачу за добро. Это тоже не так...

Алекс осторожно закрыл ей рот ладонью:

– Ким. Не надо.

Девочка мотнула головой.

– Нет! Ты не понимаешь! Алекс... ну так не бывает, я знаю. Ты мне не веришь!

– Ким, я тебе верю, но...

– Не веришь! Ты думаешь, что я маленькая развратная сучка. Что и с Эдема я так добиралась...

Алекс промолчал. Он не исключал эту возможность, но и единственно реальной ее не считал.

– Или думаешь, что я хочу как-то свой долг отдать... но дело не в этом. Правда! Ты мне веришь?

Секунду пилот смотрел в ее глаза. Да, искусство врать доступно многим. Но разве можно врать так?

– Ким, я тебе верю. А ты уверена, что это надо?

Вместо ответа она прильнула к его губам. В ее поцелуе не было вечной неумелости гейш-спец, заточенных под образ нимфетки, не было и сводящего с ума мастерства нормальной спецгейши. Обычный поцелуй девочки с небольшим сексуальным опытом. И в то же время...

Алекс понял, что отговаривать Ким ему абсолютно не хочется.

Несколько минут они целовались, жадно и иступленно. Алекс стянул с Ким узкий пиджачок, расстегнул блузку. Не отрываясь от его губ, девочка повела плечами, выskalывая из одежды. Она все время прижималась к Алексу – будто стесняясь наготы, и это уносило прочь назойливые воспоминания о прошедшей ночи, когда в ее обнаженном теле не было никакой эротики, одна лишь боль и страх...

Черт...

Черт!

– Ким, – отстраняясь, сказал Алекс. – Ким, Ким, остановись...

Девочка замерла, чуть испуганно глядя на него. Она уже успела расстегнуть и наполовину стащить брючки... вот уж точно сцена из эротической комедии...

– Ким... ты только из метаморфоза...

– Ну и что?

Голос у нее подрагивал, она возбудилась куда сильнее Алекса.

– Ким... минимум неделя без сексуальных контактов. Когда я завершил метаморфоз... ко мне пришла подружка, и врач сразу предупредил, что нам надо выждать неделю... Это общее правило.

– Почему?

– Ким... – Пилот прижал ее к себе. – Не стоит. У тебя и так было нарушено развитие. Давай не будем спешить.

Секунду она смотрела на него, оторопев, будто не уверенная, правду говорит пилот или неумело шутит. Потом ее губы дрогнули.

Алекс удержал девочку, когда та попыталась высвободиться. Обнял, зашептал на ухо:

– Ким, все будет хорошо. Не спеши. Я возьму тебя в экипаж. Подожди немного.

– Я тебе не нравлюсь! – сквозь рыдания прошептала Ким.

– Нравишься... Ким, девочка моя, успокойся. Я не хочу, чтобы с тобой случилась беда.

– Это все твое дурацкое чувство ответственности! – крикнула Ким, на миг поднимая заплаканное лицо. – Все твоя специализация! Ничего бы со мной не случилось! Я себя прекрасно чувствую!

Отвечать не стоило, и Алекс просто промолчал.

Несколько минут они просидели в кресле. Девочка тихо всхлипывала, прижимаясь к пилоту, но вырваться уже не пыталась. Потом, неловко ерзая на коленях Алекса, натянула брючки, чуть отстранилась. Испытующе спросила:

– Ты не врешь, что я тебе привлекательна?

– А ты сама не заметила?

Ким вытерла глаза ладонью.

– Друг-спец, ты мне не ври, ладно? У меня было только двое мужчин, я не знаю, может быть, я уродина.

– Не кокетничай, – усмехнулся Алекс. – Ты очень красивая девочка. Бойцам не программируют внешность, так что это чисто твоя заслуга.

– Владимир тоже так говорил.

– Владимир?

– Это мой первый мужчина. Хороший друг родителей, ну и мне он тоже нравился. Родители договорились, чтобы он обучал меня сексу. Только мы встречались недолго, Владимир очень занятой человек. Живописец-спец, его картины даже на Земле выставляют. Он и мой портрет нарисовал, кстати.

– Занятные у вас обычаи, – сказал Алекс.

– Почему?

– У нас на Земле не принято обучать сексу на практике. Тренинги в школе есть, но исключительно в виртуальной реальности.

Ким пожала плечами.

– Земля – богатая планета. И помешанная на технике. У меня... у меня был виртуальный любовник. Но в общем-то это не принято. Все должно быть естественно, так говорил наш школьный секс-инструктор...

Алекс мимолетно подумал о кристалле, который девочка прячет в своем моделированном теле. Его мощности вполне бы хватило для обучения всех школьниц Эдема...

Ну почему чужие секреты всегда так притягательны?

– Ким, хочешь, сходим в ресторан?

– В «Мак-Робинс»?

– Фу... – Алекс скривился. – Я сегодня вступил в должность капитана, это стоит отметить. Сейчас выясним, какой ресторан в городе специализируется на земной кухне, и поедем туда.

– Ты мне возьмешь мороженого?

– Обязательно.

– Ура! – Ким улыбнулась и соскользнула с его колен. – Тогда подожди, я приведу себя в порядок!

Она скрылась в ванной, зашумела вода. Алекс поднялся, подошел к окну.

Ну хоть след от вчерашнего неба остался?

Нет. Ни капельки. Грязно-серое облачное полотнище, не зима и не весна, не дождь и не снег – сыплется в воздухе холодная свинцовая морось, отсвечивает в лучах фонарей тусклыми нерадостными радугами.

– Алекс, а это здорово – быть капитаном корабля? – крикнула Ким из ванной.

– Очень! – ответил Алекс.

И улыбнулся.

Тепло ложементы.

Темнота и цветная паутина.

Дыхание чужой души.

«Я люблю тебя».

«Полюби меня».

«Будь мной».

Как трудно жить тем, кто не способен это испытать...

Глава 4

Они ждали у корабля.

Джанет с деланным равнодушием осматривала блистер боевого поста по левому борту. Алекс сразу понял, что корабль ей нравится.

Пак и Поль о чем-то разговаривали. Судя по смущенному лицу энергетика, на него только что вывалилась новость о биологической природе навигатора. Впрочем, совсем уж шокированным парень не казался.

При виде Алекса – Ким шла за ним, чуть отставая, с любопытством оглядывая поле космодрома, – Поль вытянулся. Генералов оглянулся и тоже продемонстрировал выправку. Узоры со щек он смыл, и это Алексу понравилось. Лишь Джанет ограничилась кивком – она еще не входила в экипаж. Но на плече у нее болталась тугая сумка, идеально подходящая для минимума личных вещей, и это обнадеживало.

– Это – Ким Охара, – представил Алекс девочку. – Наш... возможно – наш боец-спец.

Поль был явно удивлен и в то же время обрадован. По лицу Пака ничего прочесть было нельзя. Джанет промолчала.

– Поль Лурье, наш энергетик. Пак Генералов, наш навигатор. Джанет Руэло... возможно – наш врач.

– По-прежнему проблема со вторым пилотом? – вежливо поинтересовалась Джанет.

Алекс кивнул:

– Да. Я думаю сегодня ее решить. Ни у кого из членов экипажа нет возражений против кандидатур Джанет или Ким?

Генералов кашлянул. Покосился на Поля, будто ища в нем поддержку, потом решительно спросил:

– Капитан, насколько я знаю, наличие в экипаже бойца-спец предполагает опасные рейсы?

– Вероятно. Опасные рейсы или небольшую паранойю нанимателя. – Алекс сухо улыбнулся. Всегда следует дистанцировать себя от хозяев компании.

– Насколько хороша подготовка госпожи Ким?

– В случае бойца-спец слово «подготовка» абсолютно неуместно. – Алекс закончил фразу, уже понимая, что ошибся. Получилось так, будто он указал натуралу на его неполноценность. Пак мог сколь угодно резвиться, бравировав натуральностью, доказывать свое мастерство, эпатировать окружающих... но он не мог не переживать своей неполноценности.

Но Генералов сохранил невозмутимость.

– Согласен, капитан. Но в случае реальной опасности я предпочел бы видеть в экипаже мужчину-бойца. И это никак не связано с моими сексуальными вкусами.

Алекс оглянулся на Ким. Девочка улыбалась. Мило и радостно улыбалась навигатору, теребя белый кружевной воротничок.

– Пак, представьте себе постороннего человека, подошедшего к нашей группе. От кого он не будет ожидать опасности?

– Согласен. – Генералов кивнул. На Ким он вообще не смотрел. – Но боец-спец должен быть не столько неприметным убийцей, сколько отпугивающим фактором.

– У меня другой взгляд на этот вопрос. Боец должен обеспечивать безопасность.

– А она сможет ее обеспечить?

Алекс посмотрел на Ким, поймал ее вопросительный взгляд и слегка кивнул.

В следующий миг девочка уже стояла рядом с Генераловым. Правая рука сжимала его горло, левая, сквозь ткань формы, – гениталии.

– Что ты предпочитаешь, смерть или боль? – холодным как лед голосом спросила Ким. – Выбирай.

Пак попытался шевельнуться – но это, видимо, оказалось плохим решением. Его лицо искажилось от боли, и он застыл.

– Выбирай, – повторила Ким.

Более яркого доказательства способностей бойца-спец не требовалось. Ни один натурал не сумел бы преодолеть расстояние так быстро, неуловимо для глаза. Движение в ускоренном времени было возможно лишь при полной перестройке нервно-мышечной системы. Алекс негромко попросил:

– Отпусти нашего навигатора, Ким.

Еще один миг – на этот раз Алексу удалось увидеть тень движения и почувствовать ветерок. Он попытался оценить скорость движений Ким, но цифра вышла очень приблизительная. Что-то около ста пятидесяти километров в час.

Разумеется, больше минуты поддерживать такой темп никакой спец не мог. Но в этом и не было нужды. Они все уже были бы мертвы, поставь Ким перед собой такую цель.

– Пак, вы по-прежнему считаете ее подготовку недостаточной?

Как нехорошо... Что за начало для совместной работы – неприязнь между двумя членами экипажа!

Пак откашлялся, потер горло:

– Я беру свое мнение обратно, капитан.

Он наконец-то посмотрел на Ким. Слегка склонил голову.

Девочка ответила столь же вежливым и официальным поклоном. Щеки у нее покраснелись, волосы были растрепаны – внешние и самые безобидные признаки произошедшего. Сейчас ей стоит выпить чего-нибудь сладкого. Полную сахарницу кофе, например. И закусить куском мяса – клетки нуждаются в восстановлении.

– Малышка – умница, – неожиданно сказала Джанет. – Что ж, будем осматривать корабль, капитан?

* * *

Пожалуй, наибольший интерес корабль вызывал у Ким. Наверное, ей никогда не приходилось летать на дисковых яхтах. Еще в шлюзовой она задержала взгляд на прозрачных пластиковых цилиндрах двухметровой высоты, потом недоуменно посмотрела на Алекса.

– Это скафандровые блоки, – тихо пояснил он.

Недостаточно тихо – Генералов услышал, повернул голову. Вот и великолепный повод высказать претензии. Боец-спец, который не знает элементарных вещей на борту корабля!

– Капитан, разрешите проверить работу гардеробов?

– Проверяйте, – согласился Алекс. Что же он задумал, этот хитрый натурал...

Пак шагнул к одному из цилиндров, хлопнул рукой по сенсору, заставляя его раскрыться. В пластике прорезалась тонкая щель, расширилась. Навигатор вошел внутрь и створки сошлись.

– Проверка по полной программе, – насмешливо сказала Джанет. – Позер...

Впрочем, сказано это было довольно добродушно.

Пластик чуть помутнел, когда костюмный гель наполнил полые стенки цилиндра. Потом открылись крошечные форсунки, и в цилиндре за клубился серый туман. Невидимые иглы силовых полей сшивали туман в плотные полотнища, окутывали Пака с ног до головы – лишь перед лицом навигатора оставалось чистое пространство.

Блок работал быстро. Когда воздух в цилиндре очистился, Пак уже стоял закованный в серебристый костюм. На спине, под подбородком, на поясе – повсюду, где молекулы геля

собрались не просто в гибкую и прочную броню, а в системы жизнеобеспечения, скафандр немного раздувался. Последней напылялась лицевая пластина шлема.

Цилиндр раскрылся, Пак вышел в шлюзовую. Едва заметно подмигнул Ким – и Алекс ощутил невнятное беспокойное смущение. Это что – проявление уважения? Или заигрывание, несмотря на продекларированные вкусы?

– Капитан, системы шлюза в порядке. Время на создание скафандра – пятнадцать секунд.

– Спасибо, навигатор. Снимете костюм?

Генералов с явным удовольствием оглядел свое облачение.

– Если можно, нет.

Алекс пожал плечами. Самолюбование – не порок.

Они вышли из шлюза в центральный коридор корабля. Пак шел последним, его серебристая броня тихо похрустывала, окончательно подстраиваясь к фигуре.

– Все стандартно, – сказал Алекс, останавливаясь. – Шесть кают наши.

– Располагаемся тоже стандартно? – поинтересовалась Джанет.

Алекс кивнул. Хотя... какое расположение она считает стандартным? У них несколько необычный подбор экипажа.

– Правый борт – капитан, боец, навигатор, левый борт – второй пилот, врач, энергетик. Возражения есть?

– Все разумно, – решила Джанет. – При поражении любого из бортов экипаж продолжает функционировать... Разрешите занять свою каюту?

– Это следует понимать как согласие войти в экипаж?

– Да.

Алекс молча достал бланк контракта, протянул Джанет. Негритянка усмехнулась, мельком глянула на строки, пошлюнула палец, с силой прижала к точке опознания. Вернула Алексу его копию контракта.

– Я рад, – сказал Алекс. Можно было найти более проникновенные слова, но вряд ли в этом была нужда. Джанет с Эбена, и она не слишком-то склонна к сантиментам.

Следующие слова Джанет подтвердили его мнение.

– Капитан, где расположен медотсек?

– Минутку. – Алекс посмотрел на Пака. Тот мог быть сколь угодно самовлюбленным и скандальным... но сейчас его мучила одна-единственная мысль. Пожалуй, по степени сродства с кораблем к пилотам приближались лишь навигаторы. – Пак, вы найдете навигационный отсек?

– Да, конечно. Я знаком с дисковыми яхтами.

Генералов посмотрел вперед по коридору. Дверь в торце вела в рубку, но рядом с ней была еще одна.

– Можете ознакомиться с местом работы.

– Слушаюсь, капитан...

Навигатор быстро двинулся по коридору. Его скафандр окончательно приноровился к хозяину, и двигался он теперь совершенно беззвучно.

– Я ему немного завидую, – вдруг сказала Джанет.

– Почему? – спросил Алекс.

– Вы владеете навигацией, капитан?

– Умеренно. Обязательный минимум в училище, две переподготовки.

– Согласитесь, что это очень любопытные ощущения, капитан.

Дверь навигационного отсека раскрылась перед Генераловым. Тот оглянулся на товарищей, потом шагнул вперед.

– Будем надеяться, что я не ошибся, – сказал Алекс. Рекомендации рекомендациями, но легкая тревога все же оставалась.

– Если потребуется, я проложу курс из любой точки пространства, – пообещала Джанет.
– Не сомневаюсь. Но не хотелось бы осрамиться перед нанимателями... – Алекс замолчал. Не стоит делиться своими сомнениями с экипажем. Капитан может держаться отстраненно, может быть с экипажем на короткой ноге. В случае маленького корабля второе даже предпочтительнее.

Но вот проявлять слабость капитан не должен. Нет у него такого права.

– Ладно, каждый должен получить свой шанс, – закончил Алекс. – Поль?

– Да, капитан?

Молодой энергетик явно не принадлежал к болтунам. Или же был воспитан в духе строгой субординации.

– Где на этом корабле расположен отсек энергетика?

– В корме, капитан.

Алекс усмехнулся.

– А как же двигатели? Вы уверены, что на корме «Зеркала» найдется место для глюонового реактора?

– Отсек энергетика расположен в корме этого корабля, капитан. – Поль смущенно вернул ему улыбку. – Именно между букетом двигателей. Там стоит тандемный глюон-реактор «Ниагара», самая современная разработка из доступных гражданским кораблям. Экранирование осуществляется силовым полем, никакой материальной брони. Очень красиво, капитан, даже в доступном неспециалисту спектре!

– Поль, я восхищен вашей подготовкой и вашими преподавателями.

– Благодарю, капитан. Я тоже признателен своему училищу, но это несерийный корабль.

Все дело в том, что я на нем уже летал.

– Поль?

– Только он назывался «Неустршимый». Не понимаю, к чему менять название корабля, даже если изначально оно неудачное.

– Вы уверены, Поль?

Энергетик зарделся.

– Капитан, я размещался во второй каюте левого борта. Вы понимаете, есть такая традиция...

Алекс быстро прошел к каюте, которую теперь должна была занимать Джанет. Приложил ладонь к замку.

– Открыть. Приказ капитана.

Право на неприкосновенность личного пространства признавалось даже на военных кораблях. Идентификатор под ключицей вздрогнул, подтверждая особые полномочия Алекса.

Дверь уползла в стену.

Алекс вошел в каюту – все обычно, все удобно и функционально, как в одиночной тюремной камере. Разве что информационный терминал слишком большой для тюрьмы.

Санитарный отсек был совсем крохотный. Алекс молча присел на крышку унитаза, повернулся к стене.

Надпись, выгравированная на пластике тонким резцом, особой оригинальностью не отличалась.

«Сдано в эксплуатацию. Поль Лурье, энергетик-спец».

Алекс поднял голову. Джанет, Поль и Ким стояли в каюте, тарашась на капитана. Поль был смущен, Джанет едва заметно улыбалась. Ким ничего не понимала. Наверное, спусти сейчас Алекс штаны и займись уместным в туалете делом – она сочла бы это затейливым космическим ритуалом.

– За эти надписи положено взыскание, энергетик.

– Да, капитан. Уже получено, капитан. Традиция, капитан.

Ну почему яростнее всех поддерживают традиции зеленые юнцы?

Алекс встал, и проклятый унитаз за его спиной тихо заурчал, начиная на всякий случай цикл самоочистки. Черт бы побрал эту простейшую автоматику!

Ким хихикнула.

– Джанет, вы не будете против, если Поль займет эту каюту, а вы – третью по левому борту? Полагаю, это его единственный шанс избежать повторного взыскания.

– Как угодно, капитан.

Алекс перевел взгляд на энергетика.

– Поль Лурье, вечером я жду вас в своей каюте. У меня будет к вам несколько вопросов.

– Слушаюсь, капитан.

– Можете располагаться в этой каюте... или проверить свое рабочее место.

– Хорошо, капитан. Я проверю реактор.

– Джанет. – Алекс кивнул врачу. – К вам у меня будет особое поручение. Вы знаете, где здесь медотсек?

– Нет.

– Ну слава Богу. По схеме – сразу перед кают-компанией. – Он посмотрел на Ким. – Ты тоже идешь с нами.

Пока Джанет осматривала медотсек, Алекс и Ким сидели на кушетке. Врачу-спец помощь не требовалась, хотя какие-то знания об окружающей их аппаратуре Алекс имел. Универсальный регенерационный блок, сложенный операционный стол, анабиозные капсулы – притороченные к стене, но какая в общем-то разница для умирающих – спать лежа или стоя? Помещение было выдержано в мягких зелено-голубых тонах, свет лился со всего потолка – желтый, солнечный, умиротворяющий.

– Я правильно поступила с навигатором? – тихо спросила Ким.

– Да. – Алекс кивнул. – Как ни странно, вполне правильно.

– А что тут странного?

– Ты его все-таки унизила. Перед всеми членами экипажа. После этого можно было ожидать чего угодно.

– Но он наоборот...

– Да. Перестал сомневаться в твоих способностях, и это прекрасно. Ты ожидала именно такой реакции?

– Конечно.

– Почему?

– Он привык бравировать своей ущербностью. – Ким наморщила лобик. – Он ей гордится даже. И если спец демонстрирует то, что для натурала недостижимо, Генералов ничуть не оскорбляется. Наоборот, потом покажет, как владеет навигацией, и будет ходить довольный. Как бы на равных, понимаешь?

– Интересно. – Алекс пожал плечами. – Я могу в это поверить. Но для такого вывода у тебя было слишком мало данных. Про навигатора я тебе сказал буквально пару слов...

– А по-моему, вполне хватает.

– Это замечательно, – согласился Алекс.

Джанет закончила осматривать реанимационный блок и подошла к ним.

– Капитан, я более чем довольна. Хороший корабль, прекрасный медотсек. Аппаратура не самая современная, но зато абсолютно надежная.

Она действительно выглядела удовлетворенной, видимо, опасения о «медотсеке, совмещенном с камбузом», ее не покидали до последней минуты.

– Надеюсь, эта техника нам не пригодится.

– Разумеется, капитан. Разрешите осмотреть остальные помещения корабля?

– Подождите, Джанет. У меня к вам просьба... личного свойства.

Джанет задумчиво посмотрела на него, потом на Ким.

– Говорите, капитан.

– Вы можете провести генную проверку девочки?

– Смотря какую... – В глазах врача мелькнуло удивление. – На вашу взаимную совместимость?

Ким фыркнула.

– Нет. – Алекс с трудом сохранил невозмутимый вид. Мысль о том, что он собирается заняться воспроизводством потомства с четырнадцатилетней девочкой, была более чем оригинальна. Впрочем, то, о чем он собирался просить Джанет, выглядело не менее странно. – Джанет, я хотел бы удостовериться, что Ким является бойцом-спец.

– Капитан?

Он вздохнул.

– Джанет, ситуация весьма странная...

– Да, я начинаю догадываться. – Джанет обращалась к нему, но все ее внимание было приковано к Ким.

– Ким прошла метаморфоз позапрошлой ночью.

– Однако...

Джанет присела рядом с Ким. Властно взяла ее за подбородок, повернула лицо к себе, всмотрелась. Что она увидела, Алекс не знал. Однако легкое недоверие исчезло из ее глаз.

– Это не в традициях Империи – брать в экипаж спецов сразу после трансформации.

– Конечно, – согласился Алекс. – Но и прямого запрета нет.

– Верю. А при чем тут генный анализ?

Сама Ким пока молчала, позволяя обсуждать ее судьбу. Но Алекс подозревал, что эта покорность продлится недолго.

– У девочки нет удостоверения бойца-спец.

– Я могу выписать его без всяких анализов, – спокойно ответила Джанет. – Удостоверение личности содержит и всю медицинскую информацию. Тип специализации, измененные гены, вероятностный соматический профиль.

– У нее нет удостоверения личности. Она его... потеряла.

Джанет помолчала. Потом твердо сказала:

– Капитан, любой человек, спец или натурал, потерявший удостоверение личности, должен явиться в ближайшую клинику. После анализа генотипа из центрального банка данных поступит информация о его личности...

– Джанет, мы не можем этого сделать.

Короткий взгляд девочки был наградой за «мы».

– Почему?

– Ким порвала со своим прошлым. Она не хочет, чтобы ее семья узнала, где она находится. А если в банк данных пойдет запрос, этого не избежать.

– Почему? – Врач искренне удивилась. – Я достаточно хорошо знаю законы Империи. Любой спец, прошедший метаморфоз, становится абсолютно самостоятельной личностью. Он вправе работать, поддерживать отношения с теми, с кем считает нужным, заключать и расторгать отношения родства, жить или закончить жизнь самоубийством...

Алекс вздохнул, вопросительно посмотрел на Ким. Он ничего возразить не мог по той причине, что слова Джанет были абсолютной правдой.

– Я с Эдема, – сказала девочка.

– Слегка патриархальная, но милая планета. – Джанет ободряюще кивнула. – Ким, чего ты боишься? Ты боец-спец и способна защитить себя от незаконных посягательств. А закон всецело на твоей стороне. Давай вместе сходим в клинику космопорта...

– Нет!

Ким вскочила, попятилась от них. Джанет и Алекс переглянулись.

– Вот такая канитель, – сказал Алекс. – Джанет, возможно, вам лучше поговорить с Ким наедине?

– Я не буду говорить с ней наедине! – крикнула Ким. – Не буду!

– Почему? – Голос Джанет оставался по-прежнему доброжелательным. – Ким, ты мне симпатична, давай не станем ссориться?

Ким слегка обмякла.

– Дело не в вас...

– Значит, в нем? Он, – Джанет кивнула на Алекса, – обидел тебя?

Кажется, Ким это рассмешило.

– Меня трудно обидеть.

– Согласна. Тогда давай обсудим нашу проблему и выработаем пути решения? – Джанет протянула Ким руку.

Мгновение Ким колебалась. Потом вяло хлопнула врача по ладони и снова села между ними. Джанет молчала, глядя на девочку.

– Меня убьют, если обнаружат, – резко сказала Ким.

– Бойца-спец трудно убить, – ответила Джанет, словно бы не подвергая сомнению само заявление.

– Трудно, но можно. Пошлют другого спеца. Или нескольких.

– Зачем? Это очень серьезные проблемы с законом, милая. Тем более теперь ты под двойной защитой – и самой Империи, и профсоюза космофлота.

Ким косо усмехнулась:

– Знаете, вы гораздо меня старше, но, честное слово, в проблемах с законом я разбираюсь лучше!

– Может быть, ты из влиятельной консервативной семьи и твой клан оскорблен фактом бегства?

По мнению Алекса, версия Джанет была весьма правдоподобной. Но Ким покачала головой:

– Нет. Но я знаю, о чем говорю. Стоит мне засветиться... и все. И меня убьют, и вас всех я подставлю.

Алекс ждал укоризненного, а то и возмущенного взгляда со стороны Джанет. Привести на корабль девочку-бойца, которая скорее опасность, чем защита...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.